

Транзитом в ИЗРАИЛЬ

Семен Ходоров

16+

Самуил Ходоров
Транзитом в Израиль

«Инфра-Инженерия»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ходоров С. Н.

Транзитом в Израиль / С. Н. Ходоров — «Инфра-Инженерия»,
2019

ISBN 978-5-9729-0283-5

Выросшая в ассимилированной семье и воспитанная на принципах добропорядочности и искренности, молодая ростовчанка Кира после развала СССР переезжает с родителями в Израиль. Восхищение Святой землёй сменяется трудностями в поисках работы и обустройстве повседневного быта, отсутствием друзей и другими психологическими сложностями. В какой-то момент Кира решает вернуться в Ростов. Однако новые реалии, сложившиеся там в период ельцинских реформ, безжалостно ломают привычные представления о стране, где она родилась. Кира вновь возвращается в Израиль в надежде именно в Земле обетованной отыскать спокойную и тихую гавань. Сложные, порой трагичные перипетии насыщенной событиями жизни героини романа в конце концов заставляют её задаться вопросом: а существует ли такая гавань?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9729-0283-5

© Ходоров С. Н., 2019
© Инфра-Инженерия, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Самуил Наумович Ходоров

Транзитом в Израиль

Автор выражает глубокую признательность Геннадию Шлаину за ценные замечания, содействовавшие улучшению содержания романа.

Все имена и фамилии, названные в этой книге, являются вымышленными, а любые совпадения – случайными.

© Ходоров С. Н., автор, 2019

© Издательство «Инфра-Инженерия», 2019

Глава 1

Когда уйдём со школьного двора

Набережная Дона благоухала запахами невидимых цветов, сыростью речных водорослей и запахами шашлыка из ещё не закрывшегося ресторана «Казачий хутор». Лунная дорожка едва озаряла контуры проплывающих барж. Кира мечтательно вглядывалась в этот привычный пейзаж, кутаясь в праздничный пиджак Кирилла, наброшенный поверх её розового платья. Нарядный прикид был надет по случаю выпускного вечера. Сегодня ей, семнадцатилетней Кире Дуровой, вместе с аттестатом зрелости вручили золотую медаль как приз на финише долгой, не всегда простой школьной дороги. С этого незабываемого момента прошло уже несколько часов, а в голове до сих пор проносились грустные слова выпускного шлягера: «Когда уйдём со школьного двора под звуки нестареющего вальса, учитель нас проводит до угла...»

До утра было ещё далеко, а вместо любимого учителя её провожал по неофициальному, даже немного тайному девичьему рейтингу самый красивый юноша в школе – Кирилл Коновалов. В другом рейтинге, составленном уже юными школьными ловеласами, одной из первых числилась и зеленоглазая стройная брюнетка Кира. Уже почти несколько лет она была тайно влюблена в атлетически сложенного блондина Кирилла и ровно столько же времени не без опаски признавалась в этом только самой себе. Вполне возможно, что если бы такой выпускной вечер проходил не в ростовской, а в американской школе, то по принятой там традиции королевой и королём этого школьного бала стали бы Кира и Кирилл.

Но дело происходило в России, за десять лет до миллениума, то есть рубежа тысячелетия – 2000 года, в период, когда захлебнувшиеся в собственной свободе послеперестроечные процессы достигли фазы разброда, шатаний и небывалого экономического спада. Так что никому и дела не было до коронования Киры и Кирилла, которым, в свою очередь, в эту чуть прохладную лунную ночь было совсем не до сегодняшних горбачёвских реформ и грядущих ельцинских преобразований. Им казалось, что проблема сегодняшнего дня состоит только лишь в правильном выборе одной из всех открытых перед ними дорог, что самая трудная и тяжёлая в жизни пора – школьная учёба, уже позади. Сейчас же им хотелось только одного: раствориться и забыться в чувстве взаимного влечения друг к другу, в чувстве, которое в эти годы всегда принимается за нерастраченную любовь.

Раствориться удалось в заброшенном уголке набережной на уединённой скамейке, прикрытой пышной кроной белой акации. Кирилл крепко прижал к себе Киру и пылко целовал её в пухлые нежные губы, не забывая при этом шептать на ухо:

– Любимая моя, ты для меня дороже всех на свете, я очень и очень люблю тебя. Ты будешь со мной всю жизнь, до конца века.

В пылу страсти Кирилл забывал уточнить, до окончания какого века, заканчивающегося или грядущего, он будет любить её, а Кира, опьянённая шампанским, предусмотрительного захваченным Кириллом, таяла в его объятиях, подсознательно соглашаясь со всеми его призываниями.

Неизвестно, сколько бы ещё длились эти признания и растворения, если бы лунную речную дорожку вдруг не пронзили огненно-фиолетовые зигзаги молний и донскую набережную не накрыла ливневая завеса июньской грозы. Кирилл едва успел подхватить девушку на руки и добежать до улицы, где подъехавшее такси довезло их до Кириного дома.

Настенные часы в спальне четы Дуровых показывали три часа ночи. Ни мать Полина Лазаревна, ни отец Андрей Петрович не спали. Первый раз за свою семнадцатилетнюю жизнь их любимая дочка в столь поздний час была не дома. А тут ещё взрывные раскаты грома и бара-

баниящие по оконным стёклам крупные капли дождя. Нарастающую тревогу родителей перебил нетерпеливый дверной звонок. В квартиру вместе с резким порывом ветра буквально ворвались промокнувшие до нитки Кира и Кирилл. Андрей Петрович быстро приготовил дочке горячую ванну, а в Кирилла, исключительно в лечебных целях, влил рюмку чистого спирта. Уже через полчаса после всех этих профилактических мер, несмотря на позднюю ночь, все сидели за наспех накрытым столом и смаковали домашнюю наливку в честь выпускного школьного праздника, обмывая тем самым по русской традиции золотую медаль Киры.

Уже через несколько дней новоиспечённая выпускница уверенно шла к внушительному зданию ростовского университета, где подала документы для поступления на исторический факультет. В отличие от большинства выпускников, у Киры не было никаких колебаний и сомнений по поводу будущей специальности. Любимый дедушка Лазарь привил ей любовь к исторической науке. Он постоянно твердил внучке, что дерево не может вырасти без надёжных корней, что в жизни человека роль этих корней играет история, что будущее строится на основе настоящего, а настоящее зиждется на прошлом. Вот для этого будущего Кира и мечтала посвятить свою жизнь детям и так же, как дедушка, преподавать историю в школе.

Золотую медаль в школе она получила не по протекции: ведь действительно, все десять лет ученической жизни отдала накоплению знаний, не распыляясь, в отличие от своих подруг, на различные внешкольные удовольствия. Перестроечная неразбериха не вызывала у молодёжи заметного интереса к уже перекраивающейся истории, поэтому Кира в университет поступила легко, на одном дыхании преодолев не такой и уж и большой конкурс.

Университет всегда грезился Кире неким таинственным храмом, сродни какому-нибудь православному собору, вступить под своды которого считалось если и не загадочной мистерией, то уж точно необычным действием. Наяву всё оказалось гораздо обыденнее. Когда она впервые после экзаменов вошла в уже свой храм науки, ею вовсе не овладело заранее предвкусываемое ощущение, что здесь предстоит преодолевать непокорённые вершины. Первые лекции не очень-то и отличались от материала, пройденного в школе. Учиться было совсем не сложно, новым был только подход к обучению. Группа, в которую попала Кира, ничем выдающимся не выделялась: основная масса студентов обучалась в сельских школах и по знаниям и эрудиции до её уровня явно не дотягивала. Уже после первой сессии на неё обратили внимание преподаватели факультета как на знающую и мыслящую студентку.

Не сильно перегруженная учёбой Кира, в свою очередь, обратила внимание на старшего преподавателя кафедры иностранных языков Сергея Ивановича Пузанова. Этот тридцатилетний мужчина больше напоминал не знающего поражений на любовном фронте мачо из ковбойского вестерна, чем недавно защитившего кандидатскую диссертацию начинающего учёного в области английской словесности. Из него не столько выпирала английская транскрипция шекспировских выражений, сколько проскальзывала неведомая Кире сексуальная энергия необузданного самца. Воспитанная на благородных мужских символах русской литературы, Онегиных, Печориных и Базаровых, неискушённая Кира боялась даже самой себе воссоздавать днём ночные сновидения, в которых Сергей Иванович виделся ей далеко не в строгом костюме университетского сеятеля разумного и вечного.

Трудно сказать, что Сергей Иванович понимал под разумным и вечным, однако он не мог не выделить из не очень уж привлекательной массы будущих «историчек» очаровательную юную красавицу Киру Дурову. Поэтому ему, засыпающему ночью в объятиях симпатичной жены, которая была всего-то лет на пять старше его студентки, снилась не она, а Кира, и тоже, разумеется, не отягощённая одеждой.

Видимо, между двумя равнодушными друг к другу сердцами, принадлежащими людям не одного и того же пола, рано или поздно возникает почти ньютоновская сила тяготения, которая, как известно, обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Получается, что чем ближе друг к другу находятся объекты притяжения, тем сильнее оно проявля-

ется. Однако в советском университете дистанция между преподавателем и студентом была настолько велика, что не вписывалась даже в зону действия всемирного закона Ньютона.

В один прекрасный день Кира решилась сократить эту дистанцию. Отнюдь не для того, чтобы разлучить будущего доцента с женой, и отнюдь не из желания просто соблазнить его. Если бы она даже планировала этот природный акт, то по своей простоте душевной абсолютно не знала бы, как это сделать. Просто Кира своим девичьим, ещё неискушённым чутьём вдруг поняла, что безнадежно влюблена в своего преподавателя.

Случай для сокращения расстояния между ними внезапно представился на склонах горы Чегет в Приэльбрусье, где Кира с подругами проводила зимние каникулы на турбазе. Там же, по стечению обстоятельств, Сергей Иванович катался на лыжах со своей женой. Улучив момент, когда его половинка поехала в Терскол за продуктами, Кира, подавив накапывающееся чувство страха и вдохнув огромную порцию морозного воздуха, вихрем ворвалась в комнату Пузанова. Не давая себе возможности перевести набранный вместе с морозцем дух смелости, она прижалась головой к груди Сергея Ивановича, затем кротко прошептала ему на ухо:

– Я вас очень люблю, Сергей Иванович! Неужели вы ничего не замечаете?

Не дожидаясь ответа от ошарашенного наставника, она стала сумбурно целовать сначала его руки, потом щеки, лоб и подбородок, а затем неумело прикоснулась к его влажным от волнения губам. Первым, вполне естественным желанием взбудораженного Сергея Ивановича было схватить Киру в охапку, сбросить с неё шерстяной лыжный костюм и уложить в ещё не застланную с ночи постель. Он уже было подхватил едва не потерявшую сознание Киру на руки, чтобы совершить задуманное. Но вовремя зазвеневший внутренний колокол почти вернул его в исходное состояние. Он лишь успел проговорить самому себе:

– Что же ты, безумец, собираешься сделать с этим очаровательным ребёнком? Ведь ей, наверное, ещё и восемнадцати нет. А где же мораль? Ты ведь собираешься писать докторскую диссертацию и стать профессором. И что будет, если эта симпатичная девчонка растрезвонит о ваших отношениях всему свету? А ведь точно растрезвонит, в этом возрасте никаких тормозов нет.

Разумное восторжествовало над чувственным. Сергей Иванович опустил разомлевшую Киру к себе на колени и, едва прикоснувшись своими губами к её мягким губам, мгновенно отпрянул от них. Взяв себя в руки, он проникновенно, но не очень связно пробормотал:

– Вот что, милая девушка, я должен тебе сказать. Ты очень красивая, у тебя необыкновенные черты лица, я обратил на тебя внимание уже на первом занятии. Вдобавок ко всему, ты ещё и умная. Поэтому ты должна понять, что ни к чему нам эта любовь. Это не принесёт ни счастья, ни радости ни мне, ни тебе.

– Но я люблю вас! Разве этого мало, Сергей Иванович? – запричитала Кира, с трудом сдерживая рыдания.

– Это не мало, это даже чересчур много, – на одном дыхании выплеснул он, – но это ни к чему. Я женатый человек, моя супруга носит в своём лоне моего ребёнка, который через несколько месяцев должен появиться на свет. Ведь это тоже не так мало, милая девушка. Этого всего более чем достаточно, чтобы наша связь прекратилась, не успев ещё начаться.

Сергей Иванович не успел договорить свою оправдательную тираду. Кира в то же мгновение стремительно прыгнула с его коленей и, размазывая слёзы с затуманенных глаз, быстро выбежала из комнаты. Эти горячие слёзы продолжали кропить свежевывающийся снег, а двуглавый Эльбрус строго всматривался в плачущую Киру и сочувственно подмигивал ей своими двумя крутыми и заснеженными выпуклостями.

В спешной череде студенческих будней годы учёбы в университете, суетливо сменяя друг друга, промчались одним незаметным мгновением. После любовного фиаско на Чегете Кира без особого волевого усилия заставила себя забыть, что в брэнном бытии существуют мачо, донжуаны, альфонсы и другие особи противоположного пола. Вместо удовлетворения своего

естественно возрастающего женского эго, она полностью отдалась исторической науке и педагогике. Эта заполненная коллоквиумами семинарами, библиотеками и научными рефератами отдача воздалась ей сторицей: декан факультета, профессор Бобков, вручил ей красный диплом и пригласил к себе в аспирантуру. На выпускном банкете в уже знакомом ресторане «Казачий хутор» её пригласил на танец чуть располневший Пузанов. Будучи уже в звании доцента, он нежно обнял свою партнёршу и проникновенно зашептал ей на ухо:

– Теперь, Кирочка, когда ты уже не числишься моей студенткой, когда ты стала ещё красивее и женственнее, чем была на первом курсе, я готов рассмотреть наши отношения под другим аспектом.

– А как же лоно вашей супруги, – насмешливо расхохоталась она, – и что будем делать с вашим ребёнком?

Кира собиралась сказать еще, что она уже не восторженная зелёная первокурсница, а думающая девушка, которую не прельщает роль тайной, а значит, и временной любовницы. Но в этот момент танцевальная музыка закончилась, и доценту ничего не оставалось, как выпустить её из своих крепких объятий.

Когда после танца взволнованная Кира возвращалась к своему столику, кто-то невидимый подскочил к ней сзади и сильной мускулистой рукой прикрыл ей глаза. Кира недовольно встрепенулась и неистово отчеканила:

– И не стыдно вам, Сергей Иванович, так прилюдно заигрывать с девушкой! Должен же быть у доцента хоть какой-то маломальский этикет.

– Какой ужас, вот это сюрприз, – донёсся до Киры знакомый басок, который она сразу не опознала, – так ты, значит, Кирочка, уже с доцентами и профессорами любовь крутишь!

Когда невидимый мужчина разжал руки и повернулся к ней лицом, возмущённая Кира признала в нём Кирилла Коновалова. Придя в себя от нахлынувшего волнения, она сообразила, что её встреча с одноклассником состоялась после пятилетней разлуки. Вслух же она взволнованно, чуть растягивая слова, сказала:

– Ну, сюрприз это скорее для меня, и, видимо, на небесах записано встречаться нам только на выпускных вечерах. Где же ты пропал целую пятилетку? Почему не подал о себе весточку?

Кирилл обескураженно молчал. А Кира, которой сегодня судьба послала встречу сразу с двумя мужчинами, продолжая атаковать Кирилла, возбуждённо вопрошала:

– Неужели ты не помнишь, как признавался мне в любви и как нёс меня на руках в июньскую грозу?

– Да помню я, конечно же, помню, – неуверенно оправдывался Кирилл, – но немало воды с тех пор утекло. За это время столько всего произошло, что мы, наверное, совсем другие.

Он как-то трепетно посмотрел на бывшую одноклассницу и вдруг, чуть пугаясь собственного озарения, радостно воскликнул:

– А знаешь, Кирочка, давай покинем этот душный кабак и побежим на берег Дона и найдём ту нашу заветную скамейку! Заодно и проверим, сколько воды вытекло из нашей казацкой реки.

Не давая опомниться, взбудораженный юноша схватил её за руку и чуть ли не насильно потянул к выходу. Уже через несколько минут они стояли, обнявшись, на борту небольшого прогулочного катера и, перебивая друг друга, красочно описывали долговременный интервал, в котором пребывали в разлуке.

... Кирилл, в отличие от Киры, не отличался в школе пылкой любовью к учёбе. Ни одна из дисциплин, как точных, так и гуманитарных, не зародила в нём желания превратить их в свою профессию. Пожалуй, единственным предметом, который он обожал, являлась физкультура. Он серьёзно занимался многими видами спорта, однако ни в одном из них особых успехов не достиг. Причиной тому являлась его несообразность и распылённость в достижении высо-

ких результатов. Ни олимпийского чемпиона, ни даже чемпиона спортивного общества, в котором он занимался, из него не получилось. Высшим его достижением было выполнение норматива мастера спорта по боксу. Прямым следствием этого являлась его уверенная поступь в уличных драках и потасовках, в которых он был как зачинщиком, так и триумфальным победителем. Только вместо спортивного пьедестала его вполне удовлетворяли разбитые носы, синяки и кровоподтёки дворовых соперников.

Родители Кирилла звёзд с неба не хватили, да и некогда им было заниматься бесполезной ловлей этих никому не нужных космических объектов. Отец работал водителем междугородних автобусов. Дома его видели редко, он постоянно находился в дальних рейсах. Мать трудилась медсестрой в больнице, часто брала ночные дежурства, чтобы заработать побольше денег. В повседневье Кириллом занималась бабушка, которая воспитывала любимого внука больше веником и кочергой, от которых приличные навыки и хорошие манеры появляются далеко не всегда. Поэтому в год окончания школы Кирилл превратился в стройного красавца, породистого молодого мужчину, готового к ещё не совершённым подвигам на будущих любовных фронтах и абсолютно не приспособленного к постижению азов будущей профессии.

Так сложилось, что старший брат Екатерины Ивановны, матери Кирилла, был профессором, доктором геолого-минералогических наук и проректором по учебной работе Московского геологоразведочного института. Когда стало понятно, что вряд ли двери ростовских институтов гостеприимно распахнутся перед сыном, она позвонила в Москву и слёзно попросила пристроить отпрыска в высшее учебное заведение. Абитуриенты если и атаковали стены геологического института, то далеко не шумною, а, скорее, даже нерегулярной и хаотической толпой. Ректорат этого храма науки только во сне видел у себя такие конкурсы, как, например, в институте кинематографии или в институте международных отношений. Дяде не пришлось прилагать громадные усилия для того, чтобы племянник получил студенческий билет в столице.

С незапятнанного детства и с не очень уж обременительных школьных лет Кирилл вовсе не мечтал стать разведчиком земных недр, не горел желанием с геологическим молотком бороздить зелёное море тайги и совсем не грезил о том, чтобы с тяжёлым рюкзаком бродить по горам, пустыням или тундре. Гораздо сподручнее было сидеть с приятелями в пивном баре и неторопливо рассуждать о смысле бессмыслия своего вольного бытия. Единственное, что радовало юношу в задумке своих родителей, – это перемещение из периферийного Ростова в богемную, кипящую, как ему казалось, бурной и непредсказуемой жизнью столицу. Отчасти так оно и было: шумная, грохочущая и задевающая своей многоликостью Москва приятно будоражила и щекотала чувства ошарашенного Кирилла. Однако по мере постепенного привыкания к столичному ритму жизни, до него стало доходить, что он чужой в этой не совсем понятной, бессистемной толчее. Вместе с осознанием этого наступил период уныния и беспросветной тоски. Учился Кирилл из рук вон плохо, и это несмотря на угрозы дяди быть отчисленным из института за неуспеваемость. В принципе, он был бы даже рад, если бы это произошло. Тогда бы он вернулся в Ростов и с грустным видом жаловался бы друзьям и подругам на не сложившуюся столичную жизнь. Но авторитет дяди не дал осуществиться такому сценарию, и Кирилл с не очень-то и заслуженными оценками в зачётной книжке перекочевал на второй курс.

Из промозглой депрессии горе-студента вывела любовная эпопея, весьма похожая на ту, что приключилась с Кирой. Только она содрогалась от пылкой любви к своему молодому преподавателю, а к ростовскому мачо вспылала страстью привлекательная ассистентка кафедры философии, которая вела у будущих геологов семинарские занятия по диалектическому материализму. По отношению к Кириллу диалектика у преподавательницы Валентины Ивановны – так звали обаятельную синеглазую шатенку, была, в отличие от её основателей, Аристотеля и Гегеля, более чем незатейливая. На первом же занятии она обратила внимание на явно скупающего красавчика Коновалова. А уже на втором семинаре попросила его вечером подойти

к закрытию институтской библиотеки, где работала над кандидатской диссертацией. Требовалось всего-навсего помочь загрузить многотомные труды Карла Маркса в машину. Поначалу светло-кремовая «Волга», в багажник которой молодой провинциал укладывал книги, произвела на него более сильное впечатление, чем голубые глаза её стройной хозяйки. Когда же обладательница их небесной лазури пронзила его словами: «Не будете ли так любезны прокатиться до моего дома? Вы же понимаете, что книги из багажника должны попасть на мой письменный стол», – он понял, что машина – это не более чем весомое приложение к этой красивой женщине.

Валентина Ивановна уверенно вела своё шикарное авто по оживлённым московским проспектам, время от времени поворачивая к слегка растерянному парню свою аккуратную причёсанную головку и одаривая его обольщающим взглядом. Буквально в считанные мгновения Кирилл осознал, что эта сексапильная особа с кафедры философии очаровала его. Пока он прикидывал, каковы шансы студента придвинуться к своей преподавательнице поближе, авто свернуло с многополосной авеню в какой-то переулок и притормозило возле приметного особняка. Кирилл, полагая, что это и есть её родные пенаты, открыл багажник, чтобы выложить из него философские талмуды. Но молодая женщина нежно взяла его за руку и как несмышлёного малыша повела не к этому зданию, а к какой-то соседней неказистой постройке. Над её входной массивной дверью голубоватым неонам светилась вывеска «Третий путь». Его спутница позвонила в почти невидимую кнопку звонка. Дверь тотчас же распахнулась, и в уличную темноту брызнули снопы золотистого света, искристыми бликами вырывающиеся из чрева помещения. Валентина Ивановна дружелюбно помахала рукой двум вышедшим наружу здоровенным качкам, наряженным в чёрные костюмы, и, указывая на Кирилла, небрежно проговорила:

– Прошу не беспокоиться! Этот симпатичный тинейджер со мной.

Похоже, что её в этом заведении не только знали, а ещё и уважали, так как рослые секьюрити тут же пригласили их пройти. Когда они спустились по извилистой лестнице вниз и открыли совсем узкую решётчатую дверь, полоса яркого света сменилась тусклым освещением, едва выхватывавшим из тьмы средних размеров прокопченную сигаретным дымком залу. В дальнем её углу стоял огромный концертный рояль, возле которого бородатый саксофонист выводил грустную мелодию затяжного блюза. Вплотную к роялю приютилась стойка подсвеченного бара, за которой в бликах свечей как бы подмигивали посетителям разнокалиберные бутылки спиртных напитков.

Кирилл и не подозревал, что попал в один из первых московских ночных клубов. Уже через несколько лет ночная жизнь для Москвы станет нормой, а счёт подобным заведениям пойдёт на сотни. А пока что это богемное заведение посещали художники, писатели, критики, модельеры, разбавленные начинающими бизнесменами и продвинутыми состоятельными студентами. Усилиями этой разношерстной тусовочной публики в клубе создавалась неповторимая свободная атмосфера постперестроечной неопределённости. Когда его спутница прошептала ему на ухо:

– Не пугайся, студентик, здесь ты увидишь и познаешь всё, от Достоевщины до Булгаковщины, – Кирилл и в самом деле испугался.

Если о Фёдоре Достоевском он хоть что-то слышал, то о Михаиле Булгакове ему не было известно ничего. Не успел он стереть со лба выступивший от волнения пот, как к ним подскочил какой-то длинноволосый тип и, звучно чмокнув философию в щёчку, весело выпалил:

– Я вижу, Валечка, ты нового ухажёра привела. Ничего, симпатичный парниша.

– Ты из какого корпоратива: стихоплётов, картиномарателей или воинствующих балетмейстеров? – задорно спросил он, дружески хлопнув парня по спине.

Кирилл понятия не имел, что означает слово «корпоратив», однако, чтобы не ударить лицом в грязь, с почему-то угрожающей ноткой в голосе гордо ответил:

– А я, уважаемый коллега, из корпоратива геологов.

– Ну какой же я тебе коллега, – рассмеялся волосатый, – ведь я работаю дворником, чтобы на заработанные деньги содержать мастерскую, где в свободное от подметания вверенных мне улиц время занимаюсь художественной мазнёй.

Не успел подметальщик столичных тротуаров удалиться в сторону бара, как к Валентине Ивановне пристроился ещё один подозрительный тип. Этот рыжебородый, в ярко-оранжевом пиджаке оригинал безо всякого стеснения привлек её к себе и чуть ли не взасос поцеловал в губы. Она с трудом отстранила его от себя и, тяжело дыша, пролепетала:

– А это, Кирилл, артист театра на Малой Бронной, зовут его Владислав.

Владислав картинно поклонился новичку и, небрежно коснувшись его плеча, сквозь зубы процедил:

– Ну, что, старик, если пожелаешь на спектакль с моим участием, контрамарочка в твоём распоряжении.

У Кирилла кружилась голова от доселе неведомой ему богемности этого отнюдь не богоугодного заведения. Она закружилась ещё больше, когда Валентина Ивановна заказала в баре коктейли. В течение какого-нибудь получаса она ещё дважды повторяла заказ. Напиток состоял из живительной смеси водки и шампанского и имел неслабый опьяняющий эффект. Из-за волнующего ощущения новизны грустный лад саксофона не усыплял, а, наоборот, таранил нетрезвую голову Кирилла. Забыв обо всём на свете, он схватил Валентину Ивановну за руку и увлек на залитую клубами сероватого дыма площадку, которую здесь почему-то называли танцполом. Она же, оценив порыв, прижалась к нему своими маленькими, но тугими грудями и томно шептала ему на ухо:

– Ну вот и свершилось, дорогой. Я для тебя уже не преподавательница и не Валентина Ивановна, а твоя девушка, которую зовут Валечка.

Кирилл с высоты своего немаленького роста смотрел в её бездонные васильковые глаза и, подобно весенней сосульке, таял от горячий чувственной энергии, исходящей из них. Он не очень понимал, да и не хотел понимать, что эта эффектная и умная женщина нашла в нём, приехавшем из провинции бесперспективном студенте.

А уткнувшись в его грудь обаятельная девушка Валечка была всего-то на шесть лет старше. Год назад, закончив престижный философский факультет Московского университета, она получила направление на должность ассистента кафедры философии геологоразведочного института. В отличие от своего ростовского коллеги Сергея Ивановича, она не особо дистанцировалась от своих студентов. Когда же она увидела Кирилла Коновалова, её женское начало просто затрепетало от атлетически сложенного, обворожительного блондина. Нельзя сказать, что она мгновенно влюбилась в него. Просто нестерпимо захотелось иметь с этим симпатичным парнем отношения, отличные от платонических.

Начало этой связи и зарождалось сейчас в новоявленном московском ночном клубе. Ещё нетронутое телесными отношениями со взрослой женщиной естество Кирилла трепетало от нежных прикосновений чувственных губ Валечки к его загорелой шее. Он ещё не понимал, что в его блеклую столичную жизнь бесцеремонно вторгается новая, разухабистая, местами циничная, но тем не менее животворящая, отнюдь не скучная полоса.

Забрезжив на этом богемном танцевальном клочке, она разгорелась пылающими искрами в квартире Валечки. Едва переступив порог, она буквально тремя движениями своих шаловливых пальчиков сбросила с Кирилла все одежды и уже через минуту сама оказалась в наряде библейской Евы. А он широко открытыми мальчишескими глазами в неопишемом восторге смотрел на свою обнажённую, идеально сложенную, голубоглазую пассию и думал:

– Надо же, какое счастье привалило. Только ради этого стоило ехать в Москву и слушать скучные лекции.

Думать пришлось недолго. Неутомимая Валечка буквально повалила Кирилла в постель, где преподавала первые уроки плотской любви. На широкой кровати её преподавательский талант заиграл совсем другими красками, чем на семинарах по философии.

В эту незабываемую ночь Валечка сваяла из своего студента настоящего мужчину. Кирилл оказался талантливым учеником, постижение сексуальных поз Камасутры для него оказалось более лёгким и приятным, чем изучение опротивевших ему геоморфологии, тектоники и минералогии. Теперь же суточная жизнь делилась на две части. Первую он с огромным нежеланием проводил в лекционных аудиториях и лабораториях храма науки. В эту, ненавистную для него, часть дня он с большим трудом заставлял себя изображать добросовестного студента. Зато во второй части он с удовольствием сбрасывал с себя маску нерадивого студента и с нерастроченной энергией по полной программе отдавался альковным отношениям, так искусно выстроенным Валечкой. Она же не только обучила своего подопечного премудростям любовных утех, а и вложила в них осмысленное отношение к жизни. Кирилл точно не помнил от кого, от Платона, Сократа, Аристотеля или от кого-нибудь другого, исходило это ежедневно трактуемое Валечкой мировоззрение. Зато он точно знал его формулировку. Суть заключалась в том, что к текущему бытию надо подходить философски, т. е. не только пытаться что-то изменить, а и принимать его таким, каковым оно является независимо от тебя. А ещё харизматичная философия, кроме глаголов «требовать» и «принимать», учила всегда употреблять глагол «брать», другими словами, без стеснения брать у обозначенного бытия всё, что только возможно. Вот такое своеобразное видение жизни было у философствующей Валентины. В конечном итоге её преподавательские навыки всё-таки оставили заметный след в мировоззрении Кирилла. Она ввела его в богемный мир своих друзей, среди которых преобладали философы, поэты, скульпторы, артисты и просто меценаты, ценящие искусство.

Валентина Ивановна и её приятели позиционировали себя приверженцами философии экзистенциализма. Кирилл и слова-то такого раньше никогда не слышал. Пытаясь хоть как-то привлечь Кирилла к умным разговорам с коллегами, Валечка вооружила его книгами Достоевского, Жан-Поля Сартра и Альбера Камю, которые считались родоначальниками этого философского направления. Бедный Кирилл засыпал уже на первых страницах этих трудночитаемых даже для специалистов и абсолютно непонятных для него философских трудов. Однако он всё-таки запомнил, что главный принцип экзистенциализма заключается в том, что смысл существования и природу человечества нельзя по-настоящему постичь только через изучение естественных наук, что у людей есть абсолютная свобода действий и каждый, вопреки отсутствию смысла и порядка во Вселенной, вправе делать свой выбор в повседневной деятельности.

Валентина Ивановна, забывая голову юного отрока всем этим философским хаосом, не потрудились объяснить ему, что на данном этапе свобода его действия как раз и ограничивается изучением естественных (геологических) наук. Она не удосужилась направить своего студента на успешное окончание института как основы для дальнейшего выбора. Поэтому вполне естественным результатом её экзистенциальной деятельности явилось исключение студента Коновалова из института за академическую неуспеваемость. Причём эта неуспеваемость была такой, что даже именитый дядя-проректор не смог спасти то ужасное положение, в котором оказался племянник. Автоматически он лишился общежития и стипендии, а значит, жилья и средств существования. На первых порах его приютила Валечка. Однако будущее светило философских наук с космической скоростью охладевала к юному фавориту, отчётливо понимая, что не совсем единым прекрасна эта жизнь. В один далеко не прекрасный для него день поклонница Сартра и Камю без лишних эмоций объявила, что с завтрашнего дня он может считать себя свободным от её нежных объятий. От ночлегов на вокзале его спас художник, с которым Валечка познакомила Кирилла в ночном клубе. Феликс сочетал рисование картин с работой дворника. При встрече с Кириллом он, потрясая зажатой в руках бутылкой водки, весело прогундосил:

– Не робей, старик! Несколько ночей перекантуешься у меня. Потом устрою тебя дворником на соседнем участке, выделяют тебе казённую комнату для проживания, а там, Бог даст, через несколько лет и малогабаритную квартирку получишь.

До квартирки на белокаменных просторах столицы дело так и не дошло. Буквально через несколько недель Кирилла вызвали в военкомат и не без доли помпезности, вручив повестку, напомнили, что пришло время отдать священный долг Родине службой в российской армии. Уже через месяц недавнему студенту представилась возможность лицезреть из окна вагона если и не всю Россию, то, наверное, добрую её половину. Конечной остановкой эшелона, который вёз будущих защитников Родины к месту службы, оказалась какая-то Тмутаракань в ста километрах от Улан-Удэ. Волею судьбы и столичного военкома Кирилл попал в далеко не самые элитные войска, которые именовались мотострелковыми. С первых дней службы его угнетали даже не столько непрерывные марш-броски по сибирской тайге и рытьё окопов в каменистом грунте, сколько солдатское окружение, его сослуживцы. Так сложилось в его роте, что подавляющее большинство военнослужащих там были призваны с Дагестана. Они, по сути дела, образовали грозную кавказскую диаспору в воинском подразделении, в котором славянские солдаты были едва заметны на их фоне.

Дагестанская дедовщина Кирилла особенно не задевала. Его атлетические данные и значок мастера спорта по боксу вызывали у горцев если и не боязнь, то, возможно, даже некое уважение. Однако же в один не такой уж и прекрасный вечер к нему подкатился старослужащий сержант-дагестанец и, ткнув под нос свои грязные сапоги, приказал в течение нескольких минут натереть их до блеска. Учув от сержанта запах неизвестно где добытого алкоголя, Кирилл миролюбиво заявил:

– Вы уж извините, товарищ сержант, но даже генералам чистить сапоги уставом российской армии не предусмотрено.

Когда же сержант, не раздумывая, носком всё того же сапога врезал ему по лицу так, что из носа обильным потоком пошла кровь, он, забыв про законы кавказского сообщества, проверенным апперкотом послал дагестанца в глубокий нокаут, в котором тот пребывал чуть ли не четверть часа.

Возмездие не заставило себя долго ждать. Вскоре после отбоя в казарму, где спал Кирилл, ворвались два десятка выходцев с кавказских гор и, сбросив его с кровати, стали жестоко избивать. Когда он, уже окровавленный, нашёл в себе силы подняться и уложил отчаянными ударами нескольких недружелюбных сослуживцев на пол, один из оставшихся на ногах схватил с пожарной доски багор и изо всех сил нанёс им удар по его голове.

Кирилл потерял сознание, а вызванный дежурный офицер, осознав, что перед ним лежит почти бездыханное тело солдата, вызвал врача. Уже через час вертолёт доставил пострадавшего в госпиталь в Улан-Удэ. Там его с большим трудом привели в сознание и сделали срочную операцию на головном мозге. В военном госпитале Кирилл пробыл два месяца: процесс реабилитации был нелёгким, но, по оценке лечащих врачей, весьма успешным. При выписке заведующий нейрохирургическим отделением, полковник медицинской службы Сергеев, крепко пожал ему руку, сказал:

– Есть Бог на свете, Кирилл. Случай твой был, прямо скажем, неоперабельный. Однако твой крепкий организм победил и совершил почти невозможное. Только ты должен знать, что последствия черепно-мозговой травмы могут быть непредсказуемыми. Они могут проявляться в затруднении восприятия, неспособности сконцентрироваться, возникновении сложностей при решении различных проблем и неосознанно агрессивном поведении. Поэтому настоятельно прошу встать на учёт в психоневрологический диспансер для постоянного наблюдения и соответствующего лечения по мере необходимости.

Разумеется, от дальнейшего прохождения армейской службы Кирилл был освобождён, с чем и прибыл в родной город.

...Прогулочный катер, на борту которого находились Кира и Кирилл, бесшумно рассекал ночную гладь прославленного Шолоховым тихого Дона. На палубе был оборудован небольшой святающийся бар, где они, оживлённо беседуя, пригубляли красное полусладкое вино «Казачка». Кирилл одной рукой поднимал бокал с вином, а второй непрерывно удерживал нежную ладошку Киру в своей, словно боясь, что она отдёргнет её и исчезнет в донской бездне. Неизвестно из каких соображений, но он не стал рассказывать подруге о своей службе в армии и длительной госпитализации. Что же касается учёбы в институте, то и здесь пришлось соврать, что взял академический отпуск с целью поработать в геологических экспедициях и понять, хочет ли он посвятить свою жизнь этой специальности.

Кира чувствовала, что Кирилл что-то не договаривает. Однако свежий запах реки, лунные блики по её неширокому руслу и его пылающая жаром рука не давала её мыслям задержаться на этих сомнениях. Всё-таки Кирилл обладал каким-то невероятным мужским шармом, который, как мощный магнит, притягивал к нему женщин всех мастей, возрастов и вероисповедований. Кира, конечно же, не являлась исключением. Ей очень хотелось убедить себя, что она действительно искренне любит Кирилла и он будет её единственным мужчиной в течение всей дальнейшей жизни. Виртуальный роман с Сергеем Ивановичем Кира рассматривала как пережиток юности и в расчёт не брала. А больше у неё никого никогда и не было. Кирилл же, обогащённый богатой сексуальной практикой, пройденной у Валентины Ивановны, желал в данный момент более тесного контакта с Кирой. Но, понимая невозможность осуществления этого, ограничивался пылкими поцелуями. В данный момент ему тоже представлялось, что она является его единственной избранницей.

Глава 2

Шоковая терапия

Ещё в университете Киру учили, что история развивается по спирали. Эта гегелевская истина подтвердилась и в её жизни. Не прошло и пяти лет, как эта самая спираль судьбы на своём новом витке возвратила её на тот же школьный двор, который она с букетом розоватых хризантем переступила несмышлёной первоклассницей и на котором потом, через десять лет, в пышном платье такого же цвета кружилась в прощальном вальсе выпускников.

Всё началось с того, что в аспирантуру, на учёбу в которой её пригласил профессор Бобков, она не попала. Вальяжная чиновница, которая ведала набором будущих доцентов, отводя глаза, скороговоркой объяснила ей, что приём в аспирантуру по специальности «история» в этом году отменяется. Буквально через месяц подруга сообщила ей, что на Кирино якобы забронированное место зачислен неисправимый троечник Юра Рукавишников. Та же подруга, увидев в этом причинно-следственную связь, успокаивающе проговорила:

– Не горюй, Кирочка! Что поделаешь, если Юрин папаша работает заместителем мэра города. Так жизнь наша устроена. Попробуешь в следующем году.

Однако девушка подозревала, что вышеуказанная связь заключалась ещё, наверное, и в том, что усердные и бдительные работники первого отдела университета обнаружили, что девичья фамилия её матери была вовсе не Дурова. В свидетельстве о рождении она была записана как Полина Лазаревна Гофман. Как следствие, Кира автоматически причислялась к лицам еврейской национальности. Преподавание общественных дисциплин в университете лицам с таким «ярлыком» не то чтобы запрещалось, а, мягко говоря, не приветствовалось, или, точнее, не рекомендовалось.

Ни на что особо не надеясь, Кира пришла за объяснением к профессору Бобкову и, утирая выступившие слёзы, еле слышно спросила:

– Как же так, Иван Ильич? Я же не напрашивалась быть вашей аспиранткой, вы меня сами пригласили. Что ж теперь получается, что Рукавишников, у которого средний балл оценок в зачётной книжке равен ровно трём, имеет какие-то скрытые преимущества передо мной, отличницей учёбы?

Иван Ильич так же, как и заведующая аспирантурой, внимательно рассматривал узорчатый паркет, а затем, протирая запотевшие очки, устало выдавил из себя:

– Поймите меня, правильно, Кира. Я в этом университете не бог и не царь, а всего лишь профессор, задача которого дать своим студентам и аспирантам качественные знания в исторической науке.

– Похоже, что аспирант Рукавишников, – перебила его Кира, – как раз и является носителем этого качества на нашем факультете.

– Послушайте меня внимательно, Кира, – насупился профессор, устремляя свой взгляд в окно, – я просто хотел сказать, что, к сожалению, не я решаю, кого брать в аспирантуру. Будь моя воля, я бы и половину студентов не допустил бы к государственному экзамену. Таковы, к великому моему сожалению, наши реалии.

– Что же мне теперь делать? – снова залилась слезами Кира, – получается, что я осталась не только без аспирантуры, но и без направления на работу. Ведь не соберётся же комиссия ради меня снова делать распределение?

– А вот это уже в моих силах, – повеселел профессор, – с работой я вам помогу.

Он тут же схватил телефонную трубку и, набрав номер, басовито проорочтал:

– Николай Николаевич! Добрый день! Профессор Бобков беспокоит. Вы недавно говорили, что нуждаетесь в хорошем учителе истории. Так вот, у меня для вас замечательный подарок, моя лучшая студентка, фамилия Дурова.

Уже на следующий день Кира с нахлынувшим волнением входила на тот самый школьный двор, который с трепетом покидала пять лет назад после выпускного вечера. Директор встретил её с чуть ли не с распростёртыми объятиями. Усадив её на стул напротив себя, он с доброжелательной улыбкой промолвил:

– Ты не представляешь, Кирочка, как это славно – принимать в своей школе свою бывшую ученицу.

Раскрасневшаяся от смущения Кира хотела было в ответ произнести нечто приятное, но Николай Николаевич, словно поперхнувшись, заглянул в какие-то бумаги на своём столе и виновато проронил:

– Я прошу прощения за фамильярность, но теперь вы в этой школе находитесь в другой ипостаси, и для меня вы уже Кира Андреевна, – и, переходя уже на деловой тон, продолжил:

– Времени для расшаркивания не так уж и много. Через час у вас начинается урок. Так что, в добрый час!

– Но позвольте, Николай Николаевич, – растерялась Кира, – мне же надо подготовиться. Вы меня вот так сразу – головой в омут.

– Ну, во-первых, не в омут, а в учебный класс, – рассмеялся директор, – во-вторых, вы пять лет готовились в университете и, наконец, в-третьих, говорят, чтобы научиться плавать, надо войти, а ещё лучше – прыгнуть в воду.

Перед тем, как столкнуть её в эту воду, Кире всё-таки сообщили тему урока. А уже через полчаса она с упоением рассказывала шестиклассникам об изнурительной Столетней войне между Англией и Францией в далёком средневековье.

Процесс адаптации прошёл у Киры гладко и безболезненно. Она и сама не заметила, как непринуждённо втянулась в школьную педагогику, как учительствование стало неотъемлемой частью её ежедневного бытия. В считанные месяцы после начала работы в школе молодой преподаватель поняла, что находится на своём месте, и мысленно благодарила любимого дедушку, который надоумил её найти себя в профессии учителя. Даже умудрённые педагогическим опытом коллеги не могли взять в толк, как молодой необстрелянной девчонке удалось так сразу влюбить в себя своих учеников. На это обратило внимание и руководство школы: директор на педсовете с нескрываемым удовлетворением отметил, что успеваемость по истории в школе значительно повысилась.

Однако вместе с первыми успехами в работе и радостями от неё Киру охватывало мрачное ощущение какой-то безысходности дальнейшего существования как в профессии в частности, так и в жизни вообще. В школе стали задерживать зарплату, опытные учителя стали увольняться с любимой работы. Частная и мелкооптовая торговля и кустарное производство стали для многих способом выжить в развалившемся СССР. Поэтому многие педагоги вместо сеяния доброго и вечного отправлялись на рынок, чтобы, перепродавая накопленное годами, как-то кормить свои семьи. Да и ученики, почувствовав разброд и шатания в обществе, тут же сообразили, что школа вряд ли является той панацеей, которая выведет их в обещанное взрослыми светлое будущее.

Далеко не всё ладно было в «королевстве» российском. Невыплаты заработной платы приняли систематический и массовый характер, охватив большинство занятого населения. В стране сложилась крайне тяжёлая и политическая, и социальная, и в особой степени экономическая обстановка. Двумя десятилетиями позже Кирины коллеги, историки, назовут эти годы голодными. Причиной этого смутного явления явилось проведение правительством радикальных реформ, связанных с созданием рыночной экономики. Те же историки чуть позже назовут все эти экономические новации, либерализации и приватизации «шоковой терапией». Тера-

пия, которая, по своей сути, означает лечение людей, на самом деле болезненно отразилась на уровне жизни простых граждан страны. При нерегулярном получении зарплаты цены на все товары стремительно выросли: стоимость продовольственных товаров повысилась всего-навсего в 36 раз.

Если бы существовал прибор, измеряющий уровень жизни простых россиян, то его стрелочный индикатор наверняка замер бы на отметке «невыносимый». Часть людей смирились с таким укладом существования. Но многие стали лихорадочно искать разумный выход из шока, охватившего страну. В семье Дуровых всё чаще вспоминали, что у матери Киры в пятой графе советского паспорта было записано «еврейка». Поскольку Кира в своей краснокожей книжице унаследовала коренную для страны русскую национальность отца, то арифметически складывалось, что иудейским происхождением была «поражена» только третья часть дружной семьи.

Отец Киры, Андрей Петрович Дуров, родился в семье военнослужащих на Чукотке, в далеко не стольном городе Анадыре. Здесь, на полярном краю земли российской, людей не делили по национальному признаку. Ценились искренность, трудолюбие, честность, отзывчивость и готовность прийти на помощь, а не принадлежность к тому или иному этносу. По большому счёту, Андрей Петрович не то чтобы не знал, что есть такая не очень уж почитаемая на Руси национальность – «еврей». Он просто никогда не придавал значения вопросу, который теоретики марксизма-ленинизма называли национальным. Ему было глубоко наплевать, с кем он имеет дело: с русским или якутом, чукчей или евреем. Для него люди различались ростом, характером, выражением лица, но никак не принадлежностью к той или иной национальности. Когда его отца, подполковника Дурова, перевели в цветущий в акациях южный город Ростов-на-Дону и он познакомился с жгучей и привлекательной брюнеткой Полиной Гофман, его больше интересовали прикрытые одеждой недоступные прелести будущей жены, чем то, что записано в пятой графе молоткастого и серпастого документа. Андрей Дуров и Полина Гофман учились вместе в торгово-экономическом институте, по окончании которого еврейская фамилия Полины трансформировалась в русскую – Андрея. Он никогда не причислял себя к тем, кого вышеуказанные классики называли интернационалистами. Однако так горячо и искренне любил свою Полинку, что будь она литовкой, армянкой или даже из племени мумбу-юмбу, он всё равно без колебаний женился бы на ней.

Бесперспективность реформистских выкрутасов правительства заставила собрать экстренное заседание семейного совета семьи Гофман. Старейшинами тут считались Кирины дедушка Лазарь и бабушка Хана, авторитет которых в семье был непререкаем. Членами совета являлись семья Дуровых и семья Кедровых. Носительницей фамилии Кедровых являлась старшая сестра Полины – Рита. Семья Риты тоже была ассимилирована. В девичестве она довольно серьёзно занималась спортивными танцами на льду. Это повлияло и на её будущую семейную жизнь, поскольку в дальнейшем она вышла замуж за своего танцевального партнёра Анатолия Ивановича Кедрова. В отличие от Андрея Петровича, тот прекрасно разбирался в «еврейском вопросе», тщательно затушёванном советским правительством. Анатолий Иванович до переезда в Ростов вырос в черновицком дворике, преобладающими обитателями которого, разумеется, были дети еврейской национальности. Поэтому Анатолий даже немного говорил на идиш и в нюансах советского еврейства разбирался порой лучше, чем его представители.

На повестке дня семейного совещания стоял, по сути дела, один вопрос: выезд на ПМЖ (постоянное место жительства) в государство Израиль. Слово взял дедушка Лазарь. Он был, по обыкновению, не очень многословен. Протирая запотевшие от выступивших слёз очки, он грустно проронил:

– Похоже на то, что настал печальный момент и пришло время нашей большой и дружной русско-еврейской семье превратиться в семью израильскую и переехать в место, где не только наши еврейские, но также и, наверное, русские духовные корни. Потому что именно

там родился Иисус Христос. Сегодня это место именуется еврейским государством Израиль, право на репатриацию в которое мы безоговорочно имеем.

Глава 3

Дедушка Лазарь

Символично, что дедушка Лазарь, именуемый в официальных кругах как Лазарь Моисеевич, родился 25 октября 1917 года. Родился в день, когда в России произошёл революционный переворот, который чуть позже назвали и великим, и октябрьским, и социалистическим. Почему эту революцию назвали октябрьской и социалистической, было более чем понятно. А почему великой, никто подрастающему поколению объяснить так и не удосужился. Символично это, наверное, было не столько для самого дедушки Лазаря, сколько для самой революции, которая, по словам одного из современных историков, «подняв со дна всю гниль и муть, ввергнула миллионы людей на десятилетия в смертельную мясорубку». Но в свой знаменитый день рождения маленький Лазарик ещё не мог этого знать.

Отец Лазаря работал бухгалтером в райцентре под названием Городница, расположенном в Житомирской области. Однажды он неосторожно высказался по поводу неэффективности проводимой в районе коллективизации. Этого было достаточно, чтобы компетентные органы арестовали его и, предъявив нелепое обвинение, обозвали врагом народа. С этим в 1931 году и сослали «к чёрту на кулички», в Восточную Сибирь. «Кулички» именовались посёлком Пролетарка Тайшетского района Иркутской области. Места поистине были очень и очень отдалённые. Политические заключённые более романтического названия, чем край света, для них не придумали. Да и в самом деле, в радиусе не менее сотни километров вокруг посёлка простиралась глухая, почти непроходимая тайга. Неизвестно, знала ли его жена Рая что-нибудь о жёнах декабристов, но через год после ареста мужа она быстро сложила нехитрые пожитки и, собрав малолетних детей, поехала через всю огромную страну на место «сталинской каторги» мужа, чтобы разделить с ним все тяготы изгнания. Жить вне цивилизации было не только голодно и холодно, а и просто тоскливо. Порой хотелось выть, как волку, от безысходности текущего бытия. Только волки воют на луну, а людям в арестантском посёлке хотелось скулить от обречённости и беспросветности жизни. Обнадёживающий свет не брезжил даже в конце тоннеля. Да и спасительный тоннель, по правде говоря, не существовал вообще. Для детей отдушиной в этой нелёгкой жизни была школа-семилетка, в которой учились подраставшие Лазарь и его брат Йосиф. Это было более чем странно: школа – в таёжном посёлке, где было всего две улицы и несколько десятков маленьких домиков. Медведи из тайги навевались туда намного чаще, чем какой-либо транспорт с продуктами. Население посёлка составляли в основном ссыльные, которые, чтобы выжить, немислимым образом заводили огороды, на последние деньги покупали коз и коров и как могли помогали друг другу. Все они были не ворами, не убийцами и не бандитами, а политическими заключёнными из слоёв, которые было принято называть интеллигенцией. Некоторые из них преподавали в поселковой школе. За счёт их энциклопедических знаний, несмотря на нищенское оснащение, уровень образования там был не ниже какой-нибудь московской школы. Невзирая на то, что не хватало обуви и одежды и они далеко не всегда были сыты, у Лазаря в табелях красовались только отличные оценки.

Время бежало соответственно суточному вращению Земли. Оно не остановилось и в кровавом 1937 году, отмеченном в истории как период расцвета сталинских репрессий. Аресты усиливались по всей Стране Советов. Не миновали они даже таёжную глушь, где жил Лазарь. В тёмную сибирскую ночь отца Лазаря увезли в районный центр. Там ему предъявили не столько даже несуразное, сколько совсем бредовое обвинение, объявив его шпионом английской разведки. Как могли резиденты с британских островов пробраться по малопроезжим таёжным тропкам в забытый богом посёлок Пролетарка, чтобы завербовать ссыльного бухгалтера, не знал даже Всевышний. Зато это знали «всевидающие» работники НКВД. В досье было напи-

сано, что отца Лазаря привлекли к работе на коварных англичан во время шахматного турнира. Для следствия было совсем неважно, что в новоявленных сибирских Васюках даже априори не могло быть шахматного турнира, и тем более несущественно, что арестованный никогда в жизни к шахматам не прикасался и не имел никакого понятия, как передвигаются фигуры на 64-клеточной доске. Просто на золотых приисках Колымы не хватало рабочих рук. Помочь могли только дополнительные партии заключённых. Поэтому следователь пригрозил, что если отец Лазаря не подпишет признание, то разразится самое худшее, что только может произойти. Обвиняемый же не столько боялся работы на приисках, сколько переживал за свою семью. Пришлось подписать и отбыть в ещё более отдалённые места, оставив семью в «элитном» посёлке Пролетарка. Матери Лазаря было крайне тяжело. Она с большим надрывом работала на непосильных работах, чтобы хоть как-то прокормить детей. Её усилия не пропали даром, она сумела поднять их и дожидаться отца. Однако он был настолько надломлен как морально, так и физически, что после возвращения из Колымы, не прожив и полугодя, ушёл в мир иной. Лазарь в то время поехал в Красноярск, поступил в педучилище и после его окончания начал преподавать историю в школе. Он красочно описывал своим ученикам эпохальные события древнего мира, знаменательные даты средних веков и азы новейшей истории, которые переплетались с построением социализма в СССР. Несмотря на варварские испытания, выпавшие на долю его отца от Советской власти, он свято верил в утопическую идеологию, пропагандируемую той же самой властью. Уже в 14 лет, когда он стал членом коммунистического союза молодёжи, по-простому комсомольцем, он был убеждённым приверженцем дела свершившейся революции. Эта незыблемая и святая вера нашла своё продолжение, когда во время войны он – нет-нет, совсем не по карьерным, а именно по идейным соображениям – пополняет ряды партии большевиков.

Непонятно по каким таким резонам, но во время великого отечественного «джихада» Лазарь Моисеевич Гофман был назначен командиром разведывательного взвода. Видимо, высшее армейское командование сочло факт окончания им педучилища и преподавания истории в школе-семилетке достаточно весомым для того, чтобы, рискуя собственной жизнью, добывать бесценную информацию о местности, противнике, его вооружении, расположении и намерениях. Не секрет, что хорошим разведчиком считался лишь тот, у кого была выработана психологическая устойчивость, которая заключалась в привыкании к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Следовало свыкнуться с ней и понимать: если ты думаешь о том, как выжить, то ты уже не можешь быть разведчиком.

Командование не ошиблось в лейтенанте Гофмане: такой психологической устойчивостью он обладал в полной мере. Обладал лично и обучал этому три десятка своих солдат. Во взводе были люди, выросшие в неоднородной социальной среде. С одной стороны, здесь были вчерашние школьники, воспитанные на героических подвигах Павки Корчагина, а с другой – полуграмотные мелкие воришки, промышлявшие карманными кражами в трамваях и других местах массового скопления людей.

Лейтенант Гофман никогда не думал, что будет использовать свои педагогические способности во фронтовых условиях применительно к людям, облачённым в неказистую серую форму простого солдата. Ему было совсем не сложно находить потайной ключик к закрытой и израненной душе каждого из своих бойцов, ни перед кем при этом не заискивая и никого не оскорбляя. Несмотря на ежедневную многоречивость на уроках в довоенной жизни, на фронте он не пустословил: говорил немного, но, как и подобает разведчику, чётко и разборчиво. За этим немногословием скрывалась врождённая склонность при любых, даже самых немислимых обстоятельствах, всегда и везде держать своё слово.

Солдаты лейтенанта Гофмана никогда не видели на его обветренных губах даже подобия улыбки: он никогда не то чтобы не смеялся, а даже не позволял себе улыбнуться, никогда не шутил сам и не откликался на шутки других. Все знали, что с начала войны командир не

получил ни единой весточки от многочисленной семьи, оставшейся на оккупированной фашистами Украине. К концу 1942 года уже было точно известно, что ни одному еврею из городка, где проживали его родственники, не удалось спастись. В украинских, белорусских и прибалтийских городках и местечках происходило полное истребление древнейшей нации, которое коллеги лейтенанта по исторической специальности назовут хлесткими словами «холокост» и «геноцид».

При фронтовой неразберихе в делопроизводстве многим еврейским солдатам и офицерам удавалось поменять свои не очень благозвучные для русского уха иудейские имена. Причину этого весьма распространённого явления объясняют строки малоизвестного автора известного «Бухенвальдского набата», поэта Александра Соболева. В одном из стихотворений он писал:

«И было срамом и кошмаром
Там, где кремлёвских звёзд снопы,
Абрамом, Хаймом или Сарой
Явиться посреди толпы».

Из-за этого срама Гершоны становились Григориями, Пинхасы – Петрами, Мендели, Мордехай и Мойши – Михаилами, Абрамы – Александрями. Одним из немногих, кто отказался продолжить этот список, был фронтовой разведчик Гофман. Может быть, оттого, что являлся полновесным тёзкой знаменитого сталинского наркома (министра) Лазаря Моисеевича Кагановича. А скорее всего потому, что искренне считал, что имена, данные родителями, не меняют, хотя бы в знак их светлой памяти.

Не изменил он своё не очень-то форматное для СССР имя и после чуть ли не трагического, мерзостного случая, который врезался ему в память, пожалуй, на всю оставшуюся послевоенную жизнь. Произошло это в конце 1944 года в румынских Карпатах после очередного рейда в тыл врага. Несколько суток он вместе со своими бойцами ползал на животе по лесистой горной крутизне, высматривая расположение немецких постов, пулемётных точек и места сосредоточения военной техники. Всё увиденное Лазарь Моисеевич наносил на топографическую карту, пометая там только ему известными значками добытые разведанные. Когда вернулись из рейда, то, уставший, промокший и продрогший, он решил час-другой вздремнуть, чтобы потом обобщить и оформить добытую информацию. На это требовалось не менее двух часов.

Когда же он ввалился в приютившийся на горном уступе блиндаж, его взору представилась удручающая картина. За самодельным дощатым столом неритмично раскачивался голый до пояса командир роты Гуцин. Вдрызг пьяный капитан безуспешно пытался налить в кружку остатки спирта из уже пустой фляги. Вздвонного удивило не столько состояние пьяного в стельку капитана, сколько его опухшее от слёз, небритое лицо. Ведь Гуцин был не из робкого десятка: сотни раз он поднимал свою роту в атаку, и вышибить слезу у него казалось невозможным. Рядом с капитаном за столом сидела, тоже вся в слезах, белокурая связистка Клава. Вся рота знала, что их командир не просто спит с ней, а собирается при ближайшем переформировании в тылу жениться на этой писаной красавице из Воронежа. Увидев Лазаря, она быстро вытерла слёзы и скороговоркой, словно боясь запутаться, рассказала, что комроты получил письмо от матери с Урала. Там случилась трагедия: на заводе, где работал его младший брат, взорвалась ёмкость с каким-то химическим веществом, и 15-летний такелажник Толя Гуцин погиб на месте.

– Ну почему он, а не я, – надрывно орал капитан, – я тут на фронте – живой, а ребёнок в тылу – уже в могиле.

Надо же тому случиться, что в это время в блиндаж вошёл командир полка подполковник Драгунов с ещё несколькими офицерами. Не заметив в полумраке одурманенное неразведённым спиртом состояние своего ротного, комполка хлёстко отчеканил:

– На завтра назначено наступление нашей дивизии. Основные силы пойдут по долине, которую контролирует твоя рота. Через час я должен иметь подробный рапорт о расположении немецких сил, их количестве в этом месте и топокарту с огневыми точками.

В ответ на приказ подполковника Гушин невнятно пробормотал какую-то хмельную абракадабру. Приблизившись вплотную к нему, Драгунов тут же учуял резкий запах спиртного перегара.

– Что же ты, паршивец, позволяешь себе в боевой обстановке? – на одном дыхании резко выпалил он, – ты же, гад ползучий, немедленно у меня под трибунал пойдёшь!

– Никуда он не пойдёт, – грозно выкрикнул выдвинувшийся из-за спины командира полка замполит Рыжов, – я его тут по законам военного времени на месте пристрелю.

Молчавший до этого момента лейтенант Гофман неожиданно выпростался по стойке «смирно» перед командиром полка и, вопреки своему негромкому голосу, чуть задыхаясь от волнения, отчеканил:

– Товарищ подполковник! Через час рапорт и карта будут на вашем столе. Я со своей группой буквально несколько минут назад вернулся с задания. Всё, что нужно, видели, всё, что необходимо, знаем. А свою вину капитан Гушин искупит в бою, я обещаю.

Из-за спины подполковника вновь выставил свою хлюпку фигуру замполит. Он подошёл к дрожащему от волнения лейтенанту и, схватив его за грудки, дребезжащим голосом провопил:

– Ну смотри, Лазарь, если что не так сложится, вы оба у меня такого Лазаря запоёте, что ни Хаймы, ни Мойши, ни даже Абраши не помогут!

Подполковник Драгунов кивнул головой, словно одобряя издевательскую тираду своего замполита, и истошным голосом добавил:

– Значит так, Гофман, у тебя сейчас либо грудь в крестах, либо голова в кустах, – и быстро вышел со своей свитой из блиндажа.

Уже через полтора часа Лазарь передал посыльному из штаба полка запечатанный конверт, в котором были важные разведывательные сведения, необходимые для подготовки наступления. Впоследствии в штабе дивизии отметили, что именно они способствовали успешному исходу боя, так как именно по тропинкам, отмеченным на карте Лазарем, пехотинцы пробрались прямо в тыл немецкой обороны. Благодаря обозначенным разведчиками на этой же карте огневым позициям врага, полк подполковника Драгунова сумел в кратчайшее время уничтожить их, обеспечив тем самым достижение тактических целей. Протрезвевший к началу наступления капитан Гушин, как всегда, повёл свою роту в атаку. Уже после прорыва вражеской обороны он получил осколочное ранение и был отправлен в госпиталь. А ещё через неделю из штаба фронта пришёл приказ об отличившихся в бою. Драгунов и Рыжов получили ордена Красного Знамени, Гушин – медаль «За отвагу», а Гофман – медаль «За боевые заслуги».

После победного наступления, когда дивизию перебазировали с линии фронта для переформирования, Лазарь навестил своего раненого командира в госпитале. Увидев разведчика, капитан Гушин обрадовался до слёз и, крепко обнимая его, проговорил:

– Ну, Лазарь, в жизни не забуду. Если б не ты, пристрелил бы меня замполит. Мать потери второго сына не перенесла бы. Вся моя семья перед тобой в неоплатном долгу.

– Да ладно тебе причитать-то, – уgomонил его Лазарь, – война ведь. Сегодня я тебя выручил, завтра ты меня. Так ведь сочетаются друзья.

– Да нет, дорогой, – запричитал капитан, – я тебе по гроб жизни обязан!

Что же касается боевой награды, то лейтенанту Гофману было приятно, что его вклад в успех наступления был отмечен командованием. Однако медаль «За боевые заслуги» свидетельствовала об умелых, инициативных и смелых действиях в бою, но никак не могла быть моральной компенсацией за оскорбление, нанесённое Лазарю Моисеевичу замполитом. Ведь наяву получалось, что расистскую пощёчину ему нанёс не какой-нибудь там майор Рыжов, а заместитель командира подразделения, в состав которого входит более тысячи солдат. Не просто заместитель командира, а его наместник, который в определённой степени как бы является рупором политического руководства страны. В тот момент молодой лейтенант ещё не осознавал, что как раз от государственного истеблишмента и исходят эти оскорбительные элементы антисемитизма, и поэтому вся его обида концентрировалась только на образе замполита Рыжова.

Где-то в глубоко запрятанных тайниках души Лазаря Моисеевича уже начинало теплиться еврейское самолюбие. Именно это чувство национального достоинства и диктовало ему, что если родители нарекли его Лазарем, то он и будет им петь столько, сколько отведено ему в этой жизни. Он знал, что его имя в переводе с древнееврейского языка означает не что иное, как «божья помощь». Несмотря на то, что он являлся носителем партийного билета коммуниста и был воинствующим атеистом, где-то в глубинах подсознания он надеялся на эту помощь от Создателя.

У лейтенанта Гофмана к политической работе в армии был нестандартный подход, который мог доставить кучу неприятностей. Политработники в Красной Армии относились к привилегированной офицерской касте. Их если и не уважали, то по крайней мере боялись. Это ни в коей мере не относилось к Лазарю Моисеевичу. Он при малейшей возможности и близко не подпускал армейских комиссаров к своим солдатам. Принятые на фронте политические беседы и информации проводил лично, благо историческое образование и знание своих подчинённых позволяло сделать это намного лучше и предметнее. Однажды на такой политбеседе случайно оказался полковник из штаба дивизии. Побыв там четверть часа, он потом восхищённо повторял сопровождавшим офицерам:

– Это же надо! Так логично, убедительно и в то же время просто объяснить бойцам задачи грядущего наступления и ведущей роли коммунистов в нём!

Похоже, что полковник рассказал об этом кому-то и в штабе, потому что буквально через несколько дней лейтенанта Гофмана вызвали в политотдел. Там ему без обиняков предложили повышение в звании – стать политруком батальона. Заманчиво, конечно, было поменять смертельный свист вражеских пуль на передовой на не очень-то и пыльную работу, в которой оружием становится не автомат, а идейно-выверенное слово, призывающее бойцов к схватке с врагом. В ответ на это он протянул руку в направлении невидимого окопа и тихо, но членораздельно произнёс:

– Я своих солдат смогу оставить только после окончания войны.

Как сказал, так и случилось. Только когда остались позади южноукраинские степи, крутые склоны карпатских гор, речные долины Румынии, когда над Рейхстагом в Берлине водрузили Красное знамя Победы, Лазарь Моисеевич попрощался со своими разведчиками.

Глава 4

Бабушка Хана

Если имя дедушки Лазаря означало «Божья помощь», то имя Хана (так звали бабушку Киры) в переводе с иврита означало «Божья милость». Зодиак всегда приписывал носителям этого имени прелесть и привлекательность. Как переводчики, так и зодиакальный круг не ошибались. Всевышний проявил милость, даруя бытие таким добрым, отзывчивым и благородным людям, как бабушка Хана, справедливо полагая, что без них нива жизни заглохла бы.

Появилась она на свет в начале XX века, когда уже все красные, белые и зелёные оттенки гражданской войны канули в лету. В небольшом городке Бердичев, что близ Житомира, она была самой шумной и непоседливой в большой еврейской семье. Отец тяжело работал на небольшой мельнице, а мать крутилась по хозяйству, как несколько белок в необозримом колесе, пытаясь с переменным успехом справиться с совсем не малочисленной оравой разнополых детишек.

Что запечатлелось в памяти смазливой девчушки, так это голод 30-х годов, метко названный на Украине «Голодомором». В результате этого искусственно организованного массового голода погибло несколько миллионов человек. Всё мало-мальски ценное, что было в их доме, в короткий срок уплыло в точку, называемую «Торгсин». Пользуясь бедственным положением голодных людей, государство диктатуры пролетариата вытягивало последние семейные реликвии, уцелевшие в грабительском вихре гражданской войны. Всё конфискованное продавалось «проклятым капиталистам» за валюту. Маленькая Хана горько плакала не столько из-за отданного семейного набора серебряных рюмок, из которых она никогда не пила, сколько из-за золотых серёжек, извлечённых из её маленьких ушек.

Хана запомнила также, как в период этого Голодомора было получено письмо от её дяди, уехавшего в Канаду ещё до революции. В конверт, кроме рукописного листочка, сердобольный родственник вложил ассигнацию в пять долларов. На этот более чем царский подарок в том же «Торгсине» был куплен небольшой мешок перловой муки, которой полуголодная семья питалась целую неделю. Никто из семьи и предположить не мог, какую трагическую роль сыграют эти настолько же своевременные, насколько и несчастные пять канадских долларов в судьбе матери Ханы. Буквально через несколько дней в дом явились сотрудники НКВД и увезли её в Житомир в городскую тюрьму, где продержали в тяжёлых условиях несколько недель. После перенесённых там побоев она стала часто болеть, жаловаться на боли в сердце и позвоночнике и через несколько лет умерла, не дожив и до пятидесяти лет.

Ещё до начала Голодомора на Украине начала воплощаться в жизнь коллективизация. Эта аграрная реформа предусматривала объединение единоличных крестьянских хозяйств в колхозы. Наслышанный от мужиков, приехавших на мельницу из окрестных сёл, о репрессиях по отношению к мелким хозяевам, отец вовремя написал заявление о добровольной передаче своей мельницы местному колхозу. Сам же, не мудрствуя лукаво, стал работать в райцентре мастером в небольшой пекарне. Заработка едва хватало на прокорм большой семьи. Но дети росли быстрее, чем зарплата отца, помогая друг другу выживать в нелёгких условиях социалистической коллективизации.

Наступил момент, когда Хана успешно окончила школу и поступила в учительский институт в городе Ровно. К этому времени Красная Армия присоединила западные области Украины к СССР. Выросшие в буржуазной Польше, местные студенты, западные украинцы и поляки, недолюбливали тех же украинцев, прибывших с востока. Ну а русских «москалей» просто ненавидели. Доходило до того, что уже евреев жаловали больше, чем русских. Да и

вообще, при малейшей возможности ворчали, что не надо было их освобождать неизвестно от кого и тем более присоединять неизвестно к кому.

В ночь на 22 июня 1941 года город содрогнулся от многочисленных взрывов. К полудню стало ясно, что грянула большая кровопролитная война. Ещё через час был разбомблен железнодорожный вокзал, а уже к вечеру выбраться из города не представлялось возможным. Хана с подругой решили пешком добраться до узловой станции Здолбунов, что в 12 километрах от Ровно. Им казалось, что надо как можно быстрее, покинуть западноукраинские земли, добраться до исконно советской территории и там найти спасение. Никто и не думал, что немцев пустят дальше старой границы, совсем недавно отменённой пактом Риббентропа – Молотова.

Несколько часов девушки шли по грунтовому тракту, то и дело бросаясь на землю под придорожные кусты, когда самолёты с чёрными крестами пролетали прямо над головой. В Здолбунове они увидели товарные вагоны, которые везли раненых бойцов вглубь страны. В одном из них им удалось доехать до следующей узловой станции Шепетовка. Как и в Ровно, станция была обезглавлена, от здания вокзала остались только руины. Около них и скопилась чуть ли не тысячная масса голосящих и хаотично двигающихся людей, жаждущих убраться куда-нибудь подальше от быстро надвигающейся войны. Однако время от времени стремительно приближающиеся фашистские самолёты прицельно расстреливали этих безоружных женщин, детей и стариков. Оставшиеся в живых после очередного налёта не разбегались, так как выяснилось, что железнодорожные пути, в отличие от вокзала, не пострадали. Это давало людям надежду всё-таки выбраться из этого пекла.

Хана просидела в Шепетовке шестеро суток, благодаря судьбу, что удавалось перебиваться с куска чёрствого хлеба на горячий станционный кипяток и немного спать на чудом уцелевшей скамейке в привокзальном сквере. Только на седьмой день непредвиденных мытарств ей удалось занять не совсем уютное местечко в провонявшем негодными запахами товарном вагоне. Казалось, что ещё немного, и едва плетущийся поезд войдёт в полосу, где не будет ужасающего воя немецкой авиации и душераздирающих криков отчаявшихся людей. Однако уже через полчаса после отхода поезда – снова агрессивный налёт истребителей-«мессершмиттов», снова звуки оглушительных взрывов, и снова десятки мужчин и женщин уже навсегда остаются лежать в кустах и канавах вблизи железнодорожного полотна. Вот так поездными переездами от станции к станции, от очередной бомбёжки к следующей бомбёжке, питаясь сырыми корнеплодами из заброшенных полей и впадая в забытие от голода, измождённая Хана добралась до станицы Новотроицкая в Ставрополье.

Станица пылала сорокоградусной августовской жарой. Подходило время уборки урожая. Всё мужское население уже воевало на фронте. Рабочих рук на сельхозработах не хватало. Хана как могла, напрягая остатки последних сил, трудилась в поле. К тому времени её вес уже не достигал даже сорока килограммов. Основной едой были хлеб и арбузы. Но и это казалось несбыточным раем по сравнению с голодовкой в поездах.

Однако и такой рай длился недолго. Уже в начале октября фронт подкатился к Ростову. Опять разрушенные вокзалы и налёты вражеских самолётов, опять тяготы и лишения прифронтовой поездной жизни. Уже в Краснодарском крае на станции Тихорецкая все кинулись к санитарному поезду, идущему в Сталинград. Вышедший на перрон суровый усатый подполковник, оказавшийся начальником этого эшелона, разрешил сесть в него только женщинам с детьми. Хана вместе с другими уже потерявшими надежду на спасение людьми осталась на полуразрушенном перроне. Через два часа из проезжавшей мимо станции полуторки выскочил какой-то военный и крикнул, что санитарный поезд полностью уничтожен во время очередной самолётной атаки. Господь тем самым вновь подтвердил, что Хана в полной степени является «милостью божьей», не забыв при этом прислать на Тихорецкую почти пустой состав, который повезёт её дальше.

На этот раз был затяжной 700-километровый железнодорожный перегон в Махачкалу с короткими остановками на неведомых станциях. В дагестанской столице, раскинувшейся на берегу Каспия, было ещё страшнее, чем в украинской Шепетовке. Узкие улицы города представляли собой застывшую полосу, составленную из обессилевших и измученных людей. Внутри этой живой борозды пылали костры, варили еду, пеленали младенцев и сажали на горшки детей побольше. Плакал, орал, молился и стонал народ, ещё недавно обитавший в цивилизованном пространстве. Две недели Хана прозябала в этой неуправляемой, глубоко несчастной, почти неподвижной людской толпе. Еды почти не было, от голода постоянно кружилась голова, дрожали руки и ноги. Из последних сил она проходила по дороге, ведущей к городскому рынку, где можно было бесплатно получить горстку семечек, немного арахиса или полусгнивший кусочек свеклы или хурмы. От дождей промокала одежда, сушить которую было негде, а от холода опухали ноги.

Через месяц после махачкалинской каторги к каспийскому причалу подали грузовой корабль. Счастливая от появившейся надежды на благоприятные изменения, Хана в числе ещё пяти тысяч пассажиров оказалась на палубе этого далеко не белоснежного лайнера. Последующие пять суток плавания на этой грузовой посудине стали просто адом. Постоянно штормило, свирепые серые волны буквально захлёстывали палубу, накрывая пассажиров ледяной водой. Обмороженные ноги превратились в какие-то неподъёмные колодки, а озябшие руки – в почти неподвижные фиолетового цвета конечности. Про еду никто и не вспоминал. Хорошо, что хоть в питьевой воде не было недостатка, что и помогло многострадальным пассажирам остаться в живых.

На шестые сутки на морском горизонте на фоне выгоревшей рыже-бурой пустыни показались сероватые контуры Красноводска. Несмотря на то, что административно город относился к Туркмении, местное население состояло также из азербайджанцев и казахов. Азиатский интернационал являл собой хмурых неулыбчивых мужчин в разноцветных тюбетейках и насупленных малоприветливых женщин в обязательных платках и длинных бархатных платьях, из-под которых выбивались вышитые шаровары. На высаживающийся из грузового корабля, измученный вынужденным морским променадом людской десант они смотрели как на пришельцев с другой планеты.

Покинув корабль, Хана почувствовала себя микроскопической пылинкой, растворившейся в многотысячной людской толпе. Никем не управляемое скопище голодных и обездоленных людей неслось по кем-то указанной дороге к городскому рынку, надеясь получить там любые пищевые крохи. Привозная питьевая вода в Красноводске если и не относилась к золотому фонду, то, во всяком случае, считалась дорогим дефицитом. Острая нужда хоть в какой-нибудь еде и нарушенный водный баланс вызвали у Ханы сильное головокружение, двоение и потемнение в глазах, звон в ушах и непомерную тяжесть в голове. В какой-то момент она потеряла равновесие и рухнула на покрытый бурым песком из пустыни городской тротуар.

Когда она очнулась и открыла глаза, то увидела серые шинели склонившихся над ней солдат. Они подхватили её под руки и усадили на свои вещмешки. Один из них, взирая на неё своими голубыми глазами, жалостливо спросил:

– Девушка, простите, вы спите или вам нехорошо?

– Не знаю, я, кажется, упала. Вообще-то я хотела купить что-нибудь поесть, – чуть слышно пробормотала Хана, показывая смятые рубли, заработанные ещё на сельхозработах в станице.

– Очень прошу вас, девушка, – быстро проронил другой, небольшого роста, черноглазый солдатик, – сидите здесь и никуда не уходите, мы скоро вернёмся.

Не прошло и получаса, как они вернулись и вручили ей полкирпичика хлеба и четверть головки свежей брынзы. Голубоглазый наклонился и поцеловал Хану в щёчку, а другой – приветственно помахал рукой. Оба бойца испарились в пустынном мареве так же внезапно, как и

появились, не подозревая, что спасли ей если и не жизнь, то уж точно надломленное голодом здоровье.

Везение никогда не бывает одноразовым. По усталой и измученной толпе прошёл слух, что для них будет сформирован эшелон специального назначения. Никто не знал, что означает словосочетание «специальное назначение». Однако уже буквально через сутки на первом пути Красноводского вокзала красовался не какой-нибудь там замызганный товарняк, а настоящий пассажирский поезд. Можно было, наконец, не только нормально сесть, а даже и прилечь, нормально вытянув ноги на вагонной полке, и задремать в этой прифронтной релаксации. Во сне Хана видела себя маленькой и худенькой белокурой девчушкой, стоящей на берегу тихой речушки, журчащим серпантинном огибающей их городок. Ей грезились подружки в нарядных белых фартуках и в того же цвета бантиках, повязанных в волнистые косички. Она отчётливо слышала во сне звуки духового оркестра, играющего во время первомайской демонстрации, и скрип качелей-лодочек, на которых она каталась с кудрявым мальчиком Мишей в городском парке.

В сладкой дремотной истоме перед ней предстал стройный черноволосый юноша, который обнимал её за плечи и давал надкусить золотисто-красное яблоко. Это был её старший брат Яков, которого она не видела четыре года. Ещё в 1937 году его призвали в армию, в одной из частей которой он служил под Москвой. Хана очень любила его: он всегда являлся для неё примером не только поведения, а и проявления чуткости, отзывчивости и готовности прийти на помощь ей и ещё трём маленьким сестрёнкам. Яков хорошо учился в школе, особенно блистал он в алгебре и геометрии. Как только ему исполнилось 14 лет, он сразу начал работать счетоводом в конторе, помогая тем самым отцу прокормить четырёх дочерей. Где он сейчас, наверное, даже Всевышнему не было ведомо. Должно быть, воюет где-нибудь на передовой: он ведь служил в танковых войсках, а танкисты вряд ли отсиживаются в тылу. Жив ли он? По радио передавали об упорной и бескомпромиссной обороне наших войск и о многочисленных потерях, которые они несут.

Через четверо суток поезд благополучно прибыл в столицу Узбекистана. Её визитной карточкой являлось распространённое клише – «Ташкент – город хлебный». Оно родилось ещё во время голода 20–30-х годов, когда при повсеместной бесхлебице там худо-бедно можно было прокормиться. Сейчас же, в это тяжёлое для страны время, название уже не соответствовало действительности. Ему, в соответствии с реалиями, присвоили другой словесный шаблон – «Ташкент – столица эвакуации». Это полностью совпадало с тем, что происходило в городе. Сотни тысяч жителей приехали сюда, в глубокий тыл, из прифронтных населённых пунктов. Город был переполнен беженцами, но их регистрация была организована чётко. Уже через час Хана вошла в нужный кабинет, где чиновник дал ей направление на Урал, довольно внятно пообещав, что именно там много работы и, как следствие, имеется ежедневное обеспечение продовольственными пайками.

Поезд на Урал отправлялся через два дня. Делать особо было нечего, и Хана посвятила эти дни ознакомлению с городом. Когда ещё выдастся такая возможность свободного времяпровождения? Шагая по солнечным улицам цветастого азиатского мегаполиса, она часто слышала от прохожих слова на знакомом ей с раннего детства родном языке – идиш. Хане было странно видеть среди них немало молодых людей. Встречая их, она задавала себе один и тот же вопрос:

– Почему они здесь, в глубоком тылу, а мой Яша воюет на фронте?

Она не знала, что это были еврей-беженцы из Польши, которые успели в 1939 году спастись на ставшей советской Западной Украине. Не знала, что в июне 1941 года военные комиссариаты получили указание не брать их в армию как политически неблагонадёжных граждан и направлять не на фронт, а на работу в Среднюю Азию и на Урал. Несмотря на то, что уже в 1943 году они всё-таки начали призываться на фронт, в народе бытовала не отрицаемая поли-

тическим руководством страны расхожая легенда: мол, евреи воевали только в Ташкенте. И это вопреки тому, что именно этому руководству была доподлинно известна «еврейская статистика» участия советских евреев в Великой Отечественной войне. А из неё следовало, что на фронтах этой кровопролитной войны сражались 500 000 лиц еврейской национальности, 200 000 из которых погибли. Почему-то тщательно замалчивалось то, что евреями были 9 командующих армиями, 8 начальников штабов фронта, 12 командиров корпусов, 64 командира дивизий различных родов войск. Среди них 92 общевойсковых генерала, 26 генералов авиации, 33 генерала артиллерии, 24 генерала танковых войск. К этому следует добавить, что 157 воинам-евреям было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, 14 евреев-фронтовиков стали полными кавалерами ордена Славы, что приравнивалось к званию Героя. Это всё к вопросу о том, где находились евреи во время войны. Оказывается, они сражались за Родину совсем не в Ташкенте. Но обо всём этом Хана узнала уже в мирное время.

Однако до окончания войны было ещё далеко, и Хана получила работу на заводе твёрдых сплавов в пригороде Свердловска. Здесь изготавливались победитовые сердечники, являющиеся главной частью противотанковых снарядов. Работа была совсем не лёгкой для нежных девичьих рук. Приходилось держать кирку и лопату и перетаскивать тяжёлые носилки с кирпичами для строящихся прямо в чистом поле заводских цехов. Через несколько недель старательной девушке доверили инструментальный склад. До её прихода там царил необозримый хаос и беспорядок. Мастера по часу копались там в полной сумятице запчастей и инструментов, отыскивая необходимое. Всего несколько дней понадобилось расторопной Хане, чтобы, договорившись со сварщиками, оборудовать склад удобными и вместительными металлическими стеллажами. Ещё две недели ушло на удобное раскладывание всей оснастки по диаметрам, размерам и другим техническим параметрам. Теперь, если рабочему понадобился, к примеру, трёхмиллиметровый винт, Хане не надо было долгое время копаться в огромном ящике, где находились болты, шурупы и винты ещё как минимум десяти диаметров. Оценив это новшество, начальник цеха не постеснялся даже позвать директора завода, чтобы показать, какую огромную и полезную работу проделала эта отошавшая симпатичная девчонка. У директора не было времени на распевание дифирамбов, сроки ввода завода в действие шли на часы, если не на минуты, поэтому он отреагировал коротко:

– Выдать премию, причём немедленно.

Приказ исполнили буквально на следующий день. Не было приветственного туша оркестра, не было оглушительных аплодисментов. Просто начальник цеха вызвал её в свою конторку и вручил небольшой пакет. Раскрыв его, Хана ахнула, увидев там осенние туфли, юбку, блузку и жакет. Для нищего военного времени это была не просто премия, не просто подарок, а какой-то невероятный суперпрезент. Девушка продолжала работать на заводе с ещё большим, ещё более ярким, как тогда называли, комсомольским огоньком. Это не укрылось от внимания всевидящего начальства. Через полгода, когда Хане исполнилось 18 лет, ей поручили более серьёзную и крайне ответственную работу – проверку качества продукции. После её контроля победитовые сердечники вставлялись в снаряды, которые немедленно загружались в вагоны, отправляющиеся на фронт.

В один из напряжённых зимних дней, когда Хана работала в ночную смену, в цех позвонили с проходной и сообщили, что её ждут там. Она не любила отрываться от напряжённой работы и даже разозлилась, подумав, кто ещё может заявиться в столь позднее ночное время. Да и вообще, что это за нелепые шутки на проходной завода, выпускающего военную продукцию? Однако, дежурный позвонил ещё раз, грозно прорычав:

– Спускайся уже, наконец, тебя серьёзный человек ждёт, а не какие-нибудь подружки-болтушки.

Хана встрепенулась и стремглав побежала к заводским воротам. Когда она приблизилась к ним, у неё подкосились ноги, а удивлённые глаза готовы были вскочить даже не на лоб, а

на аккуратно причёсанную голову. На проходной стоял худощавый старший лейтенант, в котором она сразу узнала своего брата Яшу. Он тут же прижал сестрёнку к себе, вытирая носовым платком выступившие крупные слезинки на её измазанном металлическими пылинками нежном лице. Яша рассказал, что их танковую дивизию перебрасывают с Дальнего Востока на фронт. Больше года, несмотря на тяжёлое положение на полях сражений с фашистами, их соединение базировалось на берегах Амура, поскольку были опасения, что Япония нападёт на СССР, открыв тем самым второй фронт. Когда стало ясно, что это не произойдёт, был получен приказ о переброске на запад. Здесь, на Урале, они получают новые танки, которые погрузят в эшелон, который вместе с солдатами и офицерами уже завтра отправят в район Сталинграда. На долгие разговоры времени не было ни у Яши, ни у Ханы. Перед расставанием Яша снова прижал любимую сестричку к себе и безудержно целовал её бледные щёки. А у Ханы в который раз градом катились слёзы, окропляя влагой шинель старшего лейтенанта. На прощание Яков извлёк из висевшей на боку полевой сумки какие-то бумаги и, протягивая их сестре, участливо проговорил:

– Это аттестат на получение продуктов для членов семей фронтовиков. Ты в свои 18 лет выглядишь как маленькая девчушка, которой больше чем 14 не дашь. Наша семья, оставшаяся в оккупации на Украине, вряд ли уцелела. Теперь только ты, родная, моя единственная семья. К тому же неизвестно, что будет со мной. Так что питайся получше и береги себя, сестричка!

После отъезда Якова голод ушёл из жизни Ханы. Правда и до нормального питания было далеко. Но по крайней мере уже не кружилась голова и исчезли впалые щёки. Она выполнила просьбу брата и сберегла себя до дня Победы над фашистами. Летом 1945 года она вернулась в родной Бердичев. К её несказанной радости, вся семья выжила: отцу с сёстрами удалось бежать из гетто и провести два года в партизанском отряде. Но как бы там не было, надо было начинать жить по-новому, приспосабливаясь к совсем не лёгким будням послевоенной разрухи.

К сожалению, небольшой провинциальный городок не мог похвастаться обилием рабочих мест. Найти работу представлялось почти невозможным. Помог случай, который тривиальным назвать было никак нельзя. Когда она возвращалась поздно вечером домой, к ней прицепился молодежавый офицер с погонами майора. Он крепко схватил её за руку и отрывисто прошептал на ухо:

– Извините меня, девушка, я сегодня немного выпил. Вы очень красивая. Очень прошу вас провести со мной этот чудный летний вечер.

Хана с трудом вырвалась из его крепких объятий, в которые пьяный майор уже успел её привлечь, и залепила ему звонкую пощёчину. Бравый офицер оторопел и не очень членораздельно пробормотал:

– Милая, ну нельзя же так со мной, меня всё-таки контузило на войне. Примите это в расчёт, и, пожалуйста, не убегайте.

Успев уже отдалиться на приличное расстояние от него, она, придав своему голосу грозные оттенки, выкрикнула:

– Вторую контузию, товарищ майор, вы уже не переживёте.

Надо же так случиться, что на следующий день она встретила разудалого майора на городском рынке. Он безуспешно пытался объяснить с торговкой картошки. Увидев Хану, он тут же узнал её и, молодежавато приосанившись, виновато выпалил:

– Извините за вчерашнее, девушка, не хотел вас обидеть. Это не я, а выпитый спирт без закуски виноват. Вот сейчас как раз и хочу купить съестное, но не понимаю, что мне говорят. Вы знаете украинский язык?

– И украинский знаю, и русский, и даже идиш, на котором говорят евреи, – смеясь, ответила Хана.

– А знаете, девушка, нашему начальнику военного училища как раз позарез нужна секретарша, владеющая этими языками. Давайте пойдём к нему, если вы не возражаете, я вас представлю.

Уже через четверть часа Хана входила в кабинет начальника недавно открывшегося артиллерийского училища, подполковника Гущина. Рядом с ним сидел широкоплечий семитской внешности капитан. Не надо было обладать экстрасенсорными способностями, чтобы увидеть в его выразительных глазах скорбь если и не всего еврейского народа, то, наверное, большей его части. Вместо того чтобы почтительно взирать на своего возможного работодателя, Хана не могла оторвать смущённого взгляда от визави подполковника. Она с удивлением увидела на столе две алюминиевые кружки, запотевшую бутылку сельского самогона и нарезанные кусочки розоватого сала.

– Разве может подполковник в рабочее время так запросто выпивать с младшим по званию капитаном? – пронеслось у неё в голове.

Откуда было ей знать, что этот скромный на вид капитан спас несколько лет назад начальника училища если и не от расстрела, то уж точно от трибунала. Она и догадаться не могла, что всего несколько часов назад подполковник Гущин, случайно встретив в Житомире своего однополчанина, привёз его к себе Бердичев. Разве это был не повод, чтобы разлить по кружкам опьяняющую жидкость? Как раз в момент, когда они соединили эти неказистые посудинки в знак произнесенной здравицы, внезапно ввалившийся в кабинет майор беспардонно выкрикнул:

– Товарищ подполковник! Вы только посмотрите, какую я вам красивую девушку привёл!

Начальник училища, с нескрываемым сожалением созерцая невыпитый спирт, скороговоркой произнёс:

– Послушай, майор, не нужны мне красивые девушки. На этот случай есть у меня красавица жена. А сейчас, пожалуйста, кругом, и не мешай мне говорить с моим боевым другом.

– Да не девушка это, – растерялся майор, – а ваша будущая секретарша. Она знает кучу языков, училась до войны в университете, а в войну работала на одном из уральских заводов.

Молчавший до сих пор однополчанин Гущина, капитан Лазарь Гофман, неожиданно вдруг обрёл дар речи. Он протестующе замахал руками и, нервно теребя медную пуговицу на лацкане кителя, взволнованно пробубнил:

– Да мы ещё наговоримся, Валентин Иванович. А вы, уж простите меня, уделите внимание девушке. Возможно, она того стоит.

– Стоит, не стоит, – развёл руками подполковник, повернувшись к Хане, – нет времени рассуждать. У вас тут сразу две рекомендации: от моего заместителя и от товарища, с которым я прошёл всю войну. Так что можете приступать к работе прямо сейчас.

Лазарь провёл в кабинете своего бывшего командира роты не менее двух часов. Радость встречи дополнилась к тому же впечатлением от очаровательной девушки, которую не без его помощи принял на работу Гущин. Когда же он вышел из кабинета, то снова увидел её, сидящую в небольшой приёмной за печатной машинкой. В другое время ему бы понадобилось не меньше двух недель, чтобы только подкатиться к такой прелестной девушке. Сейчас же отважный разведчик был одурманен парами спирта, выпитого им с подполковником. Эти пары и придали ему необычайный заряд смелости, который сформировался в короткую фразу:

– Не откажите, пожалуйста, мне в удовольствии увидеть вас сегодня вечером у входа в городской парк.

Несмотря на то, что Хана сегодня, впрочем, как и всегда, не потребляла спиртных напитков, она как-то бездумно, неожиданно даже для самой себя, тихо проговорила:

– Разве могу я отказать благодетелю, который помог мне получить работу, в которой я так нуждалась!

– На самом деле, благодетель не я, – усмехнулся Лазарь, – а подполковник Гушин. Он ведь не только вас обеспечил работой, а и меня пригласил преподавать общественные дисциплины в училище.

– Может, и покровителя пригласим на свидание? – кокетливо расплылась в улыбке Хана.

– Нет уж, не стоит, обойдёмся как-нибудь без него, – неожиданно рассердился Лазарь, – я привык в разведку в тыл врага без командира ходить.

– Так это я, значит, – тыл врага, – кокетливо развела руками Хана, – ну-ну, посмотрю я вечером, на что способны разведчики.

На самом деле, смотреть было нечего. Хане сразу понравился этот молчаливый интеллигентный капитан. Чуть позже она поняла, что это мгновенно охватившее её чувство лирические писатели и называют любовью с первого взгляда. Но уже тогда, в приёмной подполковника, её девичье сердце затрепетало в ожидании невиданного ранее, чистого и душевного порыва. Её не покидало всё нарастающее ощущение, что сегодня должно произойти что-то необыкновенное.

В то суровое послевоенное время больше надо было заботиться о хлебе насущном, чем размышлять о чувственном и плотском. Однако, пусть смеются неверующие в неисполнимые чудеса, но так уж случилось, что и капитан Гофман в одно мгновение влюбился в новоявленную секретаршу своего однополчанина. Но показывать это прилюдно в те самые времена ещё не было принято. Когда вечером Лазарь прибыл, по-военному выражаясь, в распоряжение Ханы, он был настолько взволнован, что и слова вымолвить не мог. В разведке в тылу врага было несравненно легче, чем выстраивать отношения с красивой девушкой, которую он полюбил всем сердцем. Так они и гуляли по тенистым аллеям городского парка, разговаривая больше красноречивыми взглядами, чем никому не нужными в этот момент словами. Когда же Лазарь, провожая Хану, остановился у калитки её неказистого дома, он мысленно проговорил самому себе:

– Это что ж получается, разведчик чёртов, на фронте не боялся ни голода, ни холода, ни вражеской пули, а тут слова ласкового не можешь сказать девушке, которая так понравилась тебе!

Видимо, психологическая встряска направила работу его мозговых извилин в нужное русло. Сам не ожидая от себя такого порыва, он вдруг осторожно притянул Хану к себе и, неумело поцеловав её в пухлые губы, так же быстро отпрянул и, припав на одно колено, едва слышно прошептал:

– Хана, милая, не знаю, как это случилось, но я очень люблю тебя. Прошу тебя, стань, пожалуйста, моей женой. Поверь, буду любить тебя всю жизнь точно так же, как и сегодня.

У взволнованной девушки, к которой ещё никогда не прикасался ни один мужчина, из глаз брызнули радостные слёзы. Она, не чуя под собой окаменевших ног, бросилась бежать от калитки к входной двери, и вдруг, уже приоткрыв её, внезапно остановилась и, всхлипывая, тихо промолвила:

– Я согласна!

Буквально через месяц Хана и Лазарь зарегистрировали свой брак. Свадьбы как таковой не было. Просто во дворе поставили длинный стол с двумя продолговатыми скамейками. На самом столе, кроме дымящейся картошки, пойманной в озере рыбы, кусочков нарезанного мяса и, на всякий случай, бутылки самогона, больше никаких разносолов не было. Десяток родственников поздравили молодожёнов, по традиции выпили по рюмке, скромно закусили и с тем и разошлись. Не было у Ханы подвенечного платья и белой фаты, а у Лазаря вместо черного костюма и белой рубашки с галстуком была надета гимнастёрка с поблескивающими на ней боевыми наградами.

Работу в училище бывшему фронтовику пришлось оставить, так как прибывшая из Министерства обороны комиссия сочла целесообразным отстранить его по причине отсутствия

высшего образования. Лазарь устроился на работу воспитателем в детский дом, а Хана продолжала «секретарить» в училище, одновременно заканчивая обучение в Ровенском университете, только уже заочно. Лазарь, чтобы не отставать в образовательном аспекте от молодой жены, тоже обучался заочно на историческом факультете Житомирского университета. Через два года у молодожёнов родилась черноволосая девочка, в честь матери Лазаря её назвали Ритой. Жили у родителей Ханы в маленьком двухкомнатном домике в невероятной тесноте. Когда ещё через три года женскую линию семьи Гофман продолжила новорождённая Поинка, жилищные условия стали просто невыносимыми. Надо было что-то срочно предпринимать. Но недаром на свете существуют друзья, и не просто друзья, а фронтовые товарищи, прошедшие с ним сквозь горнило войны. Один из них, занимавший представительский пост заместителя председателя Ростовского горсовета, подыскал Лазарю небольшую квартиру на окраине города, одновременно устроив его учителем истории в средней школе. Как всегда, вкладывая в преподавательскую работу не только знания и богатый опыт, но и все душевные силы, Лазарь вскоре стал директором школы. Там он вместе с женой, преподавательницей русского языка и литературы, плодотворно проработал вплоть до ухода на пенсию.

Глава 5

На святой земле

Если бы ещё несколько лет назад кто-нибудь сказал бывшему разведчику, гвардии капитану запаса, коммунисту Лазарю Гофману, что он будет лететь в самолёте, штурман которого прокладывает курс на Тель-Авив, он, если бы исповедовал религию православия или католицизма, наверняка, трижды перекрестился бы. Однако, по иронии судьбы, несмотря на то, что и по сей день оставался атеистом, он летел как раз на родину того самого Христа, в которого на протяжении многих лет усердно агитировал не верить своих учеников. Летел не просто так, а с визой на постоянное место жительства в молодое еврейское государство Израиль. Летел без молоткастого и серпастого советского паспорта, который у него отобрали даже не в одночасье, а в течение нескольких секунд. Не столько задело Лазаря, что за этот нарушающий все нормы международного права незаконный акт с него взяли ещё и немалые деньги, сколько то, что у него беспардонно и цинично конфисковали Родину. Ту, за которую он сражался в дни фашистского лихолетья и граждан которой растил и воспитывал в долгие годы своего учительствования. Скупые слёзы покатались с глаз отважного разведчика, когда ему пришлось сдать и партийный билет, который когда-то вручили ему перед кровопролитным боем в полутёмном блиндаже. Жаль опять-таки было не столько отобранный членский билет, сколько мгновенно рухнувшие идеалы коммунистического строительства, которые он пропагандировал всю взрослую жизнь. Получалось, что именно они, эти марксистско-ленинские идеалы и догмы, которые озаряли его жизнь практически на всех этапах, как раз и стимулировали Лазаря развернуть своё мировоззрение ровно на половину окружности.

Лазарь пребывал в самолёте не в гордом одиночестве. В одном кресельном ряду с ним разместились жена Хана, дочка Полина с зятем Андреем и любимая внучка Кира. Непрекращающееся волнение он пытался погасить мыслью, что летит в Израиль исключительно для того, чтобы именно Кире обеспечить счастливую жизнь в нормальной демократической стране. В эти дни почти все евреи в один голос заявляли, что покидают Страну Советов ради детей. Отчасти они были правы, вывозя своих наследников из нищеты и разворованной страны, от неуверенности в завтрашнем дне и от бандитизма и антисемитизма дня сегодняшнего. Дедушки и бабушки стеснялись почему-то заявить, что и сами не против пожить в стране, где зародились их исторические корни, где демократия декларируется не на партийных съездах, а существует как в быту, так и в политике.

Всю эту почти миллионную массу евреев, репатриировавшихся из СССР и стран СНГ в начале 90-х годов, вряд ли можно было отнести к стойким приверженцам сионизма. Некоторые из них даже не знали, что сионизмом называлось возникшее ещё в XIX веке еврейское националистическое движение, проповедовавшее объединение евреев всех стран мира на основе общности их исторической родины, которая тогда называлась Палестиной. Этот так называемый горбачевско-ельцинский исход евреев с их доисторической родины в определённой степени содействовал продвижению основной цели сионизма. Именно благодаря этому притоку количество евреев, проживающих в США и в Израиле, стало практически одинаковым. Однако в то время мало кого из отъезжающих волновал этот элемент сионизма. Советских иудеев этой массовой волны бегства из страны их обитания больше беспокоили экономические проблемы. Совсем недаром их впоследствии назвали «колбасной» репатриацией. И, вероятно, было за что. Совсем не секрет, что они, крепко сжимая в кулаке 150 долларов на человека, которыми снабдило их родное государство в благодарность за многолетний ратный труд, убегали за лучшей жизнью. А ведь и правда, были километровые очереди за колбасой, за пачкой масла надо было простоять несколько часов, сахар выдавался только по талонам. Исходя из всего этого,

никто не думал о каких-либо моральных и духовных ценностях, основной целью каждодневного бытия становился прокорм семьи.

Наверное, и Лазарь со своими домочадцами искали на исторической родине решение продовольственной проблемы, так и нерешённой в Советском Союзе. Не ту фиктивную газетную программу, которую разворачивала перед народом коммунистическая партия на каждом из своих ничего не значащих съездов, а ежедневную экономическую политику правительства Израиля, позволяющую нормально питаться даже при минимальной зарплате. Хотя ни один человек в СССР в те годы от голода не умер, было совсем непонятно, почему через 45 лет после победоносного окончания войны в магазинах пустые полки, почему за продуктами первой необходимости многочасовые очереди, почему нужны связи в торговой сети, чтобы достать костлявый кусок замороженного мяса. Лазарь боялся даже подумать, что он уезжает не от бушевавшего в начале 90-х очередного посткоммунистического «Голодомора», а от постоянно нарастающего и никем не пресекаемого антисемитизма. Он не верил гремящим на всю страну слухам о возможных погромах, которые, к счастью, так и не произошли. Однако вполне могли бы и состояться. Ведь кому, как не Лазарю, было знать, что история развивается по спирали. Последней каплей в полном стакане его терпения явился случай перед уроком истории, который он проводил с десятиклассниками, уже будучи не директором, а почасовиком-пенсионером. Войдя в подозрительно притихший класс, он увидел, что на доске большими буквами красным мелком было написано: «Россия для русских. Убирайтесь к себе в Израиль, Лазарь Моисеевич! И как можно скорее, а то...»

Что стояло за многоточием после сочетания «а то», можно было только догадываться. Хуже всего, что надпись это исходила не от нацистов, против которых сражался гвардии капитан, не от ультраправой антисемитской организации «Память», которая верила в существование всемирного «сионимасонского заговора», а от одного из его учеников. Когда он сообщил об этом пришедшим ему на смену директору, тот саркастически улыбнулся и невнятно промямлил:

– Да не обращайтесь внимания, Лазарь Моисеевич. Вы же знаете, какие сейчас несуразные времена настали. Кто-то из ребят просто неудачно пошутил.

Но Лазарю было совсем не до шуток. Через несколько часов его отвезли в больницу, где продержали целую неделю со случившимся микроинфарктом. Там, на больничной койке, до него дошло, что прав был нынешний директор. Времена настали, действительно, несуразные и смутные, и надо было что-то срочно предпринимать и оградить семью от этих непредвиденных несурaziц и полного абсурда.

– Дедушка, отвлекись, пожалуйста, от своих дум и посмотри в иллюминатор, – обняла его за плечи Кира, – мы уже подлетаем к тель-авивскому аэропорту Бен-Гурион, названному в честь первого премьер-министра Израиля.

Лазарь взглянул в окно. Сквозь прорехи густой и низкой облачности он увидел пятна голубой воды Средиземного моря. Лайнер плавно, почти под прямым углом, повернул на восток, и буквально через несколько минут его шасси мягко коснулись бетонной полосы, выстеленной уже на обетованной земле воздушных ворот Израиля.

Когда спускались по трапу, Лазаря буквально озарила счастливая улыбка, не сходящая с лица его внучки. Глаза её излучали блаженство и безмятежно всматривались в веерные листья финиковых пальм, виднеющихся вдали, за аэродромными постройками. Лазарь понимал, что Кира была вне себя от радости. Он и сам потихоньку таял от восторга, почувствовав вдруг, что совсем не зря затеял это перемещение из государства продуктовых талонов в страну молочных рек и кисельных берегов.

Со временем оказалось, что радоваться было рано. Молока и киселя достаточно было только в супермаркетах. Что касается водных потоков, то даже в святой реке Йордан молока обнаружено не было, а её берега никогда не изобиловали кисельной патокой. В избытке были

только неиссякающие потоки солнечного света и тепла, которые бесстыже проникали сквозь одежду и покрывали тело под ней влажными сгустками пота. Потеть на первых порах приходилось не только от испепеляющего солнца. Душа и сердце разрывались от неустроенности быта и всепроникающей ностальгии по «той самой берёзке, что во поле, под ветром склоняясь, растёт».

Радоваться было рано не только из-за отсутствия молочных рек и кисельных берегов. Сестра матери Киры, тётя Рита, которая вместе с сыном уже полгода жила в Израиле, как могла подготовилась к приезду родителей и сестры с семьёй. Она сняла для них малогабаритную трёхкомнатную квартиру, площадь которой вряд ли превышала 50 квадратных метров. В одной спальне разместились Хана с Лазарем, в другой – Полина с Андреем. Кире же выпало лежать в проходном неудобном салоне. Когда вся семья собиралась в 8-метровой кухоньке, на тесноту приходилось разве что молча обижаться. За квартиру надо было платить 500 долларов в месяц. К ним добавлялись ещё 200 долларов выплат за коммунальные услуги. Надо было ещё как-то питаться, мыться, одеваться, ездить на транспорте и т. д. Денег, положенных новым репатриантам от государства, явно не хватало на все эти расходы.

Лучом света в непрестом, пока что не очень сказочном царстве адаптации к непривычному укладу жизни являлся город, в котором они поселились. Он именовался коротким, но ёмким названием Бат-Ям. Ёмким потому, что перевод его с иврита на русский был неоднозначен. Дотошные историки, несмотря на то, что в дословном переложении это означало «дочь моря», называли его почему-то «дочь Иерусалима». А русские репатрианты вообще превратили имя города в «Русалку». Когда Кира прогуливалась по широкой трёхкилометровой городской набережной, ей и на самом деле казалось, что вот-вот из голубой пенистой пучины выскочит мифологическая Ундина с распущенными зелёными волосами. Однако вместо неё на морской глади появлялись одинокие белоснежные яхты и многочисленные серфингисты в ярких гидрокостюмах, снующие на волнах причудливыми зигзагами. Кира тихо радовалась тому, что их обветшалый дом как раз и находился на этой роскошной набережной и она имела возможность ежедневно любоваться причудливой палитрой средиземноморского раздолья. Из окна её ростовской квартиры тоже открывалась живописная панорама на реку Дон. Но это были не очень-то и сравнимые ландшафты. Тихий Дон в любое время года представлял собой сероватое одноцветное зрелище. А вот Средиземное море воспринималось чем-то грандиозным, фантастическим и необозримым. В какой-то из дней, когда усиливался ветер, оно окрашивалось в сумрачно-серый цвет, но уже по утрам, когда восходило солнце, оно забирало светлую голубизну у небосвода, а в ясный и тихий вечер, перед заходом розового светила, приобретало насыщенный синий цвет. Заглядывающая в окно морская гладь не только улучшала настроение, а и, подобно горькому шоколаду, вырабатывала гормон внезапно накатывавшего счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.